

A complex cubist painting in shades of blue, yellow, and white. It features abstract, angular shapes and figures. In the upper left, the word 'EXPO' is written in large, stylized letters. In the center, a black rectangular box contains the title of the book. Below this, another black box contains the subtitle. In the lower left, the words 'Revue Philosophique' are visible on a yellow background. The overall style is characteristic of early 20th-century avant-garde art.

EXPO

Геннадий Логинов

НАЁМНЫЙ
САМОУБИЙЦА, ИЛИ
СУД НАД
ПОБЕДИТЕЛЕМ

Revue
Philosophique

Антология авангарда

Геннадий Логинов

**Наёмный самоубийца, или Суд над
победителем. Антология авангарда**

«Издательские решения»

Логинов Г.

Наёмный самоубийца, или Суд над победителем. Антология авангарда / Г. Логинов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832859-6

Не пропустите! Сборник (нео) сюрреалистической прозы от автора интерактивных романов «Идущий на смех» (роман-победитель «Книго-игрового гранта 2017»), «Морские байки» (третье место на конкурсе книг-игр в Болгарии), «Восточные берега». В сборник вошли рассказы и повести с яркими и говорящими названиями: «Ханойская башня», «Дискретный человек», «Укрощение рояля», «Потомок драккаров», «Жертва абдукции», «Бумажный лабиринт», «Ржавый гуманист», «Наёмный самоубийца, или Суд над победителем» и другие.

ISBN 978-5-44-832859-6

© Логинов Г.

© Издательские решения

Содержание

Потомок драккаров	6
«Брачный зов»	16
Дама с вуалью	23
Ханойская башня	31
Большая история	36
Жертва абдукции	39
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Наёмный самоубийца, или Суд над победителем Антология авангарда

Геннадий Логинов

*Литература – это управляемое сновидение.
Хорхе Луис Борхес*

*Посвящается моему дорогому другу, давнему и преданному
читателю – Игорю Эдуардовичу Черняку.*

Иллюстратор Михаил Панфёров

© Геннадий Логинов, 2019

© Михаил Панфёров, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4483-2859-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Потомок драккаров

Истинная поэзия – это любовь, мужество и жертва.
Федерико Гарсия Лорка

Большую часть своей (пока ещё совсем недолгой) жизни он провёл, не отлучаясь на значительное расстояние от родимых доков. Сын корабельного инженера и норвежской судовой верфи, он уходил в море только затем, чтобы вскоре вернуться вновь нагруженным свежей рыбой. Иногда, правда, бывали перевозки людей или грузов, но это случалось не слишком часто. Размеренные будни протекали в стороне от неожиданностей, но это было не тем, чего на самом деле хотелось бы молодому рыболовецкому кораблю.

Отдыхая после очередного похода, он тихо раскачивался на пристани и видел цветные сны, в которых его далёкие могучие предки, воинственные драккары, борта которых пощёгольски украшали червлёные щиты, стремительно рассекали волны, унося на себе далёких предков его матросов и капитана. Желанный образ влёл и манил, но гудки крупных судов, крики чаек или людские перетолки раз за разом разрушали эту зыбкую фантазию.

В порту всегда кипела жизнь, но, даже находясь в самой гуще всей этой суеты, норвежское судно остро и тоскливо ощущало своё одиночество. Нет, разумеется, вокруг него было немало других кораблей, и не только, но в подавляющей массе они были чужие ему. Другие. Бездушные. Мёртвые. Всего лишь безжизненные скорлупки, управляемые экипажем.

Когда-то, пока «Надёжный» (как нарёк его капитан Сигурдссон) был ещё совсем зелёным юнцом, впервые выплывшим из материнского лона судовой верфи, он полагал, что все остальные суда мыслят и осознают себя точно так же, как и он. Но вскоре его ожидал ужас, смешанный с разочарованием. В ответ на любые попытки завести общение – они лишь безмолвно раскачивались на волнах, безразличные и далёкие от него, словно звёзды на небе. Теперь же он воспринимал их с холодным равнодушием с оттенком раздражения.

Но были, разумеется, и приятные исключения. Например, старый добрый маяк, белоснежной махиной возвышавшийся над суетой портового мира. За многие годы в его стенах сменился уже не один смотритель, оставив высокому часовому частицу самого себя, и о каждом смотрителе маяк мог рассказывать часами, словно бы о собственном ребёнке, вспоминая те светлые минуты, которые они провели вместе. Следуя за светом его путеводных огней, «Надёжный» не раз узнавал для себя что-то новое, а тот заговорщически подмигивал, продолжая травить молодому кораблю свои стариковские байки.

В городском музее обитал самый древний в здешних местах корабль, ещё успевший застать эпоху великих географических открытий. Конечно, он был уже не тот: не развалившийся на куски одними лишь стараниями людей, он то и дело предавался ностальгии о том, как он, молодой и красивый, мчался вдаль, вдохнув побольше ветра в могучие паруса, сверкая на солнце стройными рядами пушек и кулеврин. Несмотря на весь свой почтенный возраст и причудливый испанский акцент, «Стремительный» скрепя доски сознавался, что жалеет лишь об одном – что больше ему никогда уже не спустить корму на воду, не говоря уже о том, чтобы вновь пересечь океан.

Порою над портом мог проноситься слегка заносчивый (не в плане полётных свойств, но в плане характера и поведения) гидроплан, любивший едко подкалывать всех, с кем только сводила его нелёгкая. Корабли наслушались от него немало язвительных сожалений о том, что для них, увы и ах, закрыт дивный мир воздушной стихии и вряд ли представится случай полюбоваться хотя бы на собственный порт с высоты птичьего полёта. В то же самое время – местному вертолету и паре пассажирских самолётов приходилось выслушивать упреки в том, что

им никогда не понять, каково это – дрейфовать на поверхности моря. Несчастный городской трамвай он вообще обозвал «сухопутной крысой, которая носится в своём колесе».

Старый куряка с огромной коптящей трубой, металлическим раскатистым басом возвещающий всем и каждому о своём прибытии, старый крейсер, по его словам, успел побывать ветераном обеих Мировых войн. Теперь же, вояка до мозга костей, он оказывал содействие силам береговой охраны в деле пресечения контрабанды. В свободное от работы время, которое, надо сказать, бывало у него не так уж и часто, крейсер с охотой рассказывал всем о том, как сходил в смертельной схватке с немецкими подводными лодками и кораблями.

На этом круг общения «Надёжного», в общем-то, и заканчивался, если не считать тех, с кем он поддерживал отношения лишь на уровне «здравствуйте» и «до свидания» и пришлых кораблей, которые время от времени посещали порт издалека.

Каждый винтик каждого живого корабля, сухопутного транспорта, здания или летательного средства имел свою историю, о которой, возможно, желал бы кому-нибудь рассказать. И скромный уличный фонарь, и возвышавшийся многотонной громадиной маяк познали и радость, и боль. Но в этом скоплении одиночеств каждый словно бы обитал в своём крошечном микромире, и лишь единицы, ещё не наученные горьким опытом, либо повидавшие на своём веку так много, что окончательно закалились, охотно открывали душу другим или приставали с расспросами сами.

Это была какая-никакая, но всё-таки отдушина, которой, тем не менее, для «Надёжного» было мало. Едва будучи собранным и спущенным на воду, но уже обладая неким запасом знаний, полученных им от матушки-судоверфи и потрудившихся над его созданием мастеров, он тотчас же начал задаваться извечными вопросами, пытаясь осознать для себя своё место в мире, свою цель, предназначение, разузнать как можно больше о том, что его окружает. Но если люди неоднократно напоминали ему о том, кто он, кем и с какой целью он был сначала задуман и сконструирован, а затем и воплощён в жизнь, то сами люди и жизнь в целом вызывали у него намного больше вопросов. Зачем и с какой целью и кем были созданы они? И кем было создано то, что создало их? И происходят ли все, и люди, и корабли, в начале всех начал, из некой общей Первопричины?

Возможно, что и люди изначально имели некую вполне конкретную цель своего создания, которую, как и «Надёжный», посчитали навязанной, впоследствии пожелав ей воспротивиться. Как бы то ни было, он не знал наверняка. А люди, понимавшие речь кораблей, встречались ещё реже, чем говорящие корабли. И то – такие люди либо были настолько молодыми, что были не в состоянии ответить на его вопросы, либо находились в грустном здании с жёлтыми обоями, либо обретали дар понимания после сильной дозы топлива, называемого людьми «алкоголь», утрачивая эту способность после крепкого сна.

Как бы то ни было, книги, хранившиеся в каюте капитана, не вносили большую ясность в данные вопросы, но стали причиной предположения, что, по меньшей мере, некоторые из видов микроорганизмов, обитающих в теле человека, можно рассматривать в качестве своего рода «экипажа». Когда «Надёжный» поделился своими соображениями с обитателями порта, гидроплан аж, было дело, поперхнулся со смеху, да так, что несчастный пилот ещё долгое время не мог завести мотор, силясь понять, в чём же кроется причина поломки. И хорошо ещё, что вся эта оказия не приключилась во время полёта.

Но, так или иначе, капитан Сигурдссон вызывал у своего корабля неподдельный интерес и уважение, и дело тут было вовсе не в том, что этот человек был его капитаном.

Капитан хорошо знал своё дело и был бы, что называется, «нарасхват» среди женской половины портового города, если бы не одно обстоятельство, ставшее причиной его репутации безобидного и общительного городского сумасшедшего. Лейф Сигурдссон был крайне любопытным и в то же время до крайности суеверным человеком с огромной любовью ко всему странному и необычному, помноженной на повышенную тягу к навязчивому общению. Что

вместе с тем не отменяло наличие у него незаурядного аналитического ума касательно многих вопросов практически-прикладного характера, умения свежо и нестандартно взглянуть на вещи, специфического обаяния и редкой для человека его профессии и места проживания эрудиции. Разносторонне развитый обладатель многочисленных дарований, он мог бы выступать на сцене, публиковать газетные очерки, получить учёную степень или кубок чемпиона по плаванию, но вместо этого предпочёл ни от кого и ни от чего не зависеть, ни на что не претендуя и никому ничего не доказывая. Он жил и спал в каюте своего корабля, выходя на берег лишь по большой необходимости и с крайней неохотой, хотя было время, когда он писал письма выдающимся личностям, жившим не менее века назад, и ездил по всему миру, оставляя свои послания у их могил и кенотафов. Оставшись в полном одиночестве, играл на скрипке музыку собственного сочинения, которую не стыдно было бы иметь в своём наследии наиболее именитым скандинавским композиторам, наподобие Грига, Кьерульфа или Свенсена. Каждый день, так же естественно и непринуждённо, как чистил зубы, он сочинял и записывал в тетрадь как минимум один ропалический стих, коих набралось уже великое множество. Писал картины на близкие ему темы, самостоятельно изготавливая холсты, рамы и краски, а по завершении работы, дав краскам пообсохнуть, – вскоре сжигал их.

За капитаном водились не только эти, но также и многие другие странности, однако речь сейчас пойдёт не о них. Когда у Сигурдссона находились свободные уши, он начинал просвещать несчастную жертву, открывая ей глаза на многочисленные неведомые тайны, которыми славится этот мир. Он с упоением мог рассказывать истории о появлении знаменитого «Летучего Голландца», проклятым капитаном которого был не то Филипп Ван Дер Деккен, не то Филипп Ван Стаартен, который не то перевозил супружескую пару и, решив подбить клинья к женщине, убил её мужа, вынудив несчастную броситься за борт, не то поубивал половину собственного экипажа, желая подавить бунт, когда, сквернословя и богохульствуя, обещал обогнуть Мыс Доброй Надежды в шторм, даже если на это потребуется целая вечность; и теперь экипаж «Летучего Голландца», встречая новый корабль, просит передать на берег сообщения людям, которых нет в живых уже много веков.

Жеводанский Зверь, Каспер Хаузер, Джек Потрошитель, манускрипт Войнича, громадные кракены и каиборозавры, «Мария Целеста», снежный человек, неопознанные летающие объекты, тайны пирамид и Атлантида – его интересовало всё и сразу, но при этом в первую очередь, конечно же, то, что так или иначе было связано с морем.

При этом нельзя было сказать, чтобы Сигурдссон слепо верил во всё подряд. Он мог поведать о тех или иных известных разоблачениях из области криптозоологии, вроде мнимых русалок, искусственно созданных шарлатанами, или глобстеров – отвалившихся от основной туши и изуродованных до неузнаваемости останков тел крупных китов, принятых по ошибке за трупы доселе неизвестных животных. Считал особенностью «Бермудского треугольника» выхваченной из контекста статистикой, раздутой охочими до сенсаций журналистами, коль скоро акватория в данной области была весьма и весьма загруженной, чем объяснялось высокое количество чрезвычайных происшествий, число которых сокращалось пропорционально степени технической оснащённости морского и воздушного транспорта. Мог объяснить научно-популярным языком явления «волн-убийц», «Фата Морганы» или «огней Святого Эльма». Был согласен с утверждением, что кракена таких размеров, которые всегда столь красочно описывались средневековыми авторами, в реальности просто разорвало бы волнами на тысячи кусков. Связывал различия в размерах морских обитателей различных глубин и широт с разницей в температуре воды и гидростатическом давлении. Словом, его нельзя было назвать невежественным простаком, который, как говорится, в лесу родился и пню молился.

С другой стороны, помимо чисто академического интереса к мифологии, он знал, чтит и уважал огромное количество морских примет и поверий, как сравнительно известных, так и взятых им неизвестно с какого потолка, относясь к ним со всей серьёзностью, что иногда

становилось причиной непониманий и споров с окружающими (в том числе – и с членами экипажа) в особенности тогда, когда его причуды начинали мешать работе.

Но основной причудой, которая сразу бросалась в глаза и людям и кораблю, было то, что капитан относился ко многим предметам как к живым созданиям, разговаривал с ними и в одиночестве и на людях, испытывал к ним те или иные чувства и не стеснялся выражать отношение. Малоознакомые или незнакомые люди, впервые заметив, как капитан, например, проходя по городу, мог поздороваться с фонарным столбом, могли поначалу подумать, что это какая-нибудь шутка или сентиментальное баловство. Но вскоре они замечали, что подобные действия повторяются со стабильной регулярностью и вовсе не напоказ перед публикой, а совершенно искренне.

Так, например, он мог завязать дружескую беседу со скамейкой в парке во время кормёжки голубей. Или притащить с мусорной свалки какие-нибудь вещи на свой корабль, заявляя, что их жизнь ещё не окончена, и находил им оригинальное применение. Но ни созданные им поделки, ни сам факт подобного поведения не находили у общества понимания и одобрения. С другой стороны, от его чудачеств никому не было и вреда – добрейшей души человек, он никогда не злоупотреблял спиртным, не сквернословил и не мог пройти мимо, если видел, что кто-то нуждается в его помощи.

Тем не менее, в силу всего вышесказанного, – между Лейфом и окружающими наблюдалась определённая дистанция. Включая и членов собственного экипажа. Впрочем, капитан Сигурдссон спокойно пожимал на это плечами и замечал, что его дело раскрыть объёты, а будут их принимать или нет – уже вопрос другой.

Касательно же своего необычного отношения с официально неодушевлёнными предметами, он пояснял, что отчасти разделяет аристотелевское учение о различии типов душ, из-за чего на вопрос о том, есть ли у предметов душа, не мог ответить ни «да» ни «нет» без определённых оговорок. Иными словами, он не признавал наличие души за каждой вещью или предметом и, более того, полагал, что и при наличии таковых – эти души совершенно некорректно сравнивать с душами человеческими, обладающими качественными метафизическими отличиями. Но при этом он искренне считал, что, если кто-то чрезвычайно сильно привязывается к какой-то вещи или предмету, либо у предмета имеется своя давняя история, полная и хорошего, и дурного, либо если некий мастер создаёт своё творение не абы как-то формально, но вкладывая свою любовь, боль или радость, – в подобном предмете могла появиться если и не душа, то что-то на неё похожее. В результате чего предмет обретал характер, индивидуальность и иные особенности, резко выделявшие его из бесконечного ряда его однообразных бездушных подобий.

Деликатные люди выслушивали эти рассуждения молча, сочувствуя про себя незаурядному уму капитана, с которого тот сошёл. Менее деликатные – просто поднимали капитана на смех и крутили пальцем у виска. Но те корабли и здания, перед которыми он снимал шляпу, и прочие разумные предметы уважали его, не говоря уже о «Надёжном», в котором Сигурдссон проводил большую часть своего времени.

Каждый вечер корабль неторопливо покачивался на волнах, убаюкивая задремавшего капитана, и каждое утро капитан начинал с того, что здоровался со своим кораблём. Почистив зубы себе, он брался за иллюминаторы и палубу. Утренняя молитва, зарядка с плаванием в любое время года, лёгкий завтрак с обязательной кружечкой кофе, стихотворение, написанное экспромтом, – и только затем начинались рабочие будни. Члены экипажа относились к причудам капитана если не с пониманием, то, во всяком случае, со снисхождением: во-первых, он был владельцем корабля (немалое время откладывая деньги на то, чтобы приобрести собственное судно) и был волен устанавливать на нём собственные порядки, поэтому имел полное право хоть плясать вприсядку, жонглируя рыбой, пока не заставлял остальных делать то же

самое; во-вторых, он достойно платил своим людям, относясь к ним значительно теплее, чем просто к нанятым работникам, и они ценили это.

Жизнь капитана и корабля проходила в целом размеренно и стабильно – до тех пор, пока не наступил один странный день. И, как и все странные дни, начинался он вполне заурядно. Возвращаясь с сетями, набитыми ещё шевелящейся рыбой, «Надёжный» размышлял о новой картине своего капитана, при создании которой была использована рыба чешуя. Но вскоре его рассуждения были прерваны неожиданно разбушевавшейся стихией. Ветер нарос столь стремительно и завыл с такой силой, что в какой-то момент бывалые рыбаки взволновались не на шутку. А недавно безмятежное море оживлённо задвигалось, подобно одеялу, накинута-тому на страстную влюблённую парочку. Подобные неприятные ситуации не были чем-то уж особенно редким, но в этот раз они послужили точкой отсчёта, после которой однообразная жизнь капитана и корабля была нарушена, словно пруд, в который бросили громоздкий булыжник.

На какое-то время корабль словно бы выпал из реальности, чего с ним ранее никогда не случалось. Конечно, иногда он засыпал, давая отдых разуму, хотя его сны отличались от тех снов, что бывают у людей. Но это было совсем другое: казалось бы, совсем недавно направляющийся в порт, он обнаружил себя в другом, неведомом месте. Незнакомое и чуждое, оно казалось не от мира сего. Океан, если так можно было теперь называть, походил на широко раскинувшееся болото, не имевшее конца и края. Над застоявшейся мутной водой стоял нестерпимый смрад. Ни в этих отвратительных глубинах, ни в холодном и угрюмом небе над ними не ощущалось и намёка на жизнь. Ветра не было совсем, и тягучие вязкие облака, отдающие блеклой ржавчиной, стояли неподвижно, сокрыв свет, словно траурная вуаль.

Он не мог сказать наверняка, сколько времени миновало со шторма; разве что свежепойманные рыбы, которые не только не успели протухнуть, но ещё и подавали признаки жизни, ясно свидетельствовали о том, что событие имело место недавно. Пуча глаза, они беззвучно открывали свои рты и подпрыгивали, содрогаясь в конвульсиях. Но, несмотря на имевшиеся на его борту забойные колотушки для крупной рыбы, корабль был бессилен прервать их мучения.

Страшнее всего было другое: во всём корабле не наблюдалось ни капитана, ни других рыбаков. При этом судовой журнал, лодия, навигационные приборы и личные вещи оставались на своих местах, на кухонной плите выкипал капитанский кофе, никаких следов паники и спешного бегства не наблюдалось. Смыло всех за борт? Мало того, что в это слабо могло вериться, этому противоречили рыбы, сети, бочки и прочие снасти, которые при таких условиях снесло бы в первую очередь.

Вопросы множились, ответы не появлялись. Всю жизнь «Надёжный» знал, что будет происходить в ближайшее время; и то, нравилось ему это или нет, было другим вопросом. Он знал, когда приходило время отправляться с мужиками на рыбную ловлю, знал, когда пора с неё возвращаться, но теперь – он впервые не представлял, как быть и что делать.

Пребывая в шоке и растерянности, осмотрев каждый свой уголок, он медленно раскачивался на волнах, оценивая обстоятельства и перспективы. Итак, экипаж, включая капитана, пропал. Это факт. Как, почему и куда – вопрос другой. Корабль в открытом море считается собственностью до тех пор, пока на борту остаётся, по меньшей мере, один член экипажа. В противном случае права на него может заявить первый, кто ступит на борт. Естественно, будут проводить поиски, летать над морем на вертушке, подключат береговую охрану, службу спасения; но к тому моменту, как кто-то хватится, пройдёт уже достаточно времени. А человеческое тело остывает довольно быстро даже в тёплой тропической воде. Ни надувные лодки, ни что-либо подобное на воду не спускали.

Большинство кораблей, возможно, восприняли бы подобные известия спокойно, даже, можно сказать, – с равнодушным безразличием. Большинство, но только не этот. И если иное

судно просто и без энтузиазма дождалось бы дальнейшего развития событий с эмоциями голема (имея возможность, но не имея причин и желания совершать какие-либо действия), то в этот раз «Надёжный» решил проявить инициативу.

Подобные действия требовали от него полнейшей сосредоточенности на пределе возможного и таили в себе немалый риск. Иногда случалось так, что тот или иной предмет, который люди привыкли считать неодушевлённым, начинал показывать характер, будучи не пассивным созерцателем происходящего, но активным участником. Однако такие действия обычно длились недолго, грозя, как минимум, весьма серьёзными повреждениями. И даже были чреваты утратой «эйдоса» (как, возможно, и не вполне корректно, Лейф Сигурдссон называл метафизическую структуру, представляющую собой аналог души у его корабля).

Сделав невероятное волевое усилие, корабль взял курс, продвигаясь сквозь вязкую склизкую жижу. Куда плыть? Где искать людей? Как и где он вообще оказался? Никаких указующих ориентиров или шансов на успех поисков, а стены зловонно-жёлтого тумана ничуть не улучшали видимость. Но, оставаясь на месте, «Надёжный» в любом случае не имел никаких возможностей помочь своему пропавшему капитану и его команде. Поэтому совесть и чувство долга вынуждали его прилагать хоть какие-то усилия. Даже если это можно было сравнить с попыткой потушить пожар при помощи стакана.

Он блуждал по спирали, снова и снова расширяя круг поисков, до тех самых пор, пока последняя из рыб не испустила свой дух. В миг, когда «Надёжный» был уже близок к признанию своего поражения, жидкая бездна взбеленилась, начав изрыгать из своего нечестивого нутра несметное количество кораблей-призраков во всём их устрашающем величии и пугающем многообразии. Здесь были допотопные корабельные остовы, чьи насквозь прогнившие, но чудом сохранившиеся скелеты были покрыты густыми слоями кораллов, водорослей, глубоководных моллюсков и актиний; насквозь проржавевшие и обросшие тиной крейсера времён Второй Мировой; испанские галеоны времён Великой Армады, утратившие свою былую разрушительную силу и грацию; и некогда дорогостоящие яхты современных состоятельных толстосумов, не сохранившие и мизерной доли своего товарного вида.

Впрочем, хотя основную массу разномастных страшилищ составляли корабли и другие плавающие средства самых различных стран и эпох, время от времени среди их нестройных рядов всплывали и продолжали свой путь дальше в небо, по пути проливая грязную воду и роняя трясины, всевозможные аэропланы, самолёты, воздушные шары и прочая воздушная техника.

Они всё прибывали и прибывали, постепенно заполняя собой всё видимое пространство воды и воздуха, постепенно отрезая все возможные пути отступления, и не было им числа. Не прошло и нескольких минут, как вокруг «Надёжного» сохранилась лишь крохотная область свободного пространства, но вскоре, в опасной близости рядом с ним, едва не задев, всплыл огромнейших размеров корабль, возвышавшийся над ним, словно вековой дуб над ромашкой. Эта огромная образина отличалась от всех прочих не только и не столько своими габаритами, но словно бы отображала их всех в одном лице. Гротескный исполин был собран из разномастных деталей от прочих кораблей, совмещая в себе античную ладью и судно на паровой тяге, голландский бриг и азиатскую джонку, современные двигатели и архаичные мачты. В этот миг эклектичный монстр походил на мемориальный монумент, возвышающийся над бескрайним корабельным кладбищем.

– Мать моя, судоверфь, – только и выдал молодой корабль, не встречавший за свою жизнь ничего даже отдалённо похожего на этот корабль-коLOSS.

– Она здесь тебе не поможет, – заверил величавый гигант, в то время как с его бортов продолжали стекать целые реки нечистот. Остальные собравшиеся просто застыли обезображенной массой, не вмешиваясь в разговор и ничем не выдавая своих намерений.

Никогда прежде «Надёжный» не сталкивался с чем-то подобным: разумность и жизнь одновременно и ощущались и не ощущались в них. Они не были безликими и безвольными марионетками, «скорлупками», исполняющими пожелания людей. Но в них не чувствовалось и той естественности, как в тех, с кем кораблю приходилось общаться ранее. Казалось, у них есть сознание, у них есть воля, но при этом нет ни устремлений, ни интереса к происходящему вокруг. В каком-то смысле, они походили бы на курицу, которая продолжила бегать после того, как ей отрубили голову, – при том условии, что бегающее безголовое тело сумело бы, пусть даже и нехотя, понять и принять этот факт, а не просто неосознанно совершать какие-то сугубо механические действия.

Корабль ждал, но события не развивались. Разве что грязь стекла с убогих бортов, вернувшись в вязкий океан. Когда первый шок постепенно прошёл, «Надёжный» наконец решился проявить инициативу.

– Что тут вообще происходит? Вы кто? Где мы? Зачем вы все здесь собрались? – обращаясь ко всем и ни к кому, спросил молодой корабль. Его вопрос словно бы утонул в пустоте. Собравшиеся услышали его и, скорее всего, прекрасно поняли, но просто не посчитали нужным отвечать.

– Здесь происходит встреча новорожденного, – наконец произнёс исполин. – Мы – твоя семья. Это – Привратническая. Я – Встречающий.

Речь, совершенно лишённая естественности и, на первый взгляд, смысла, как, впрочем, и всё остальное в гиганте, сопровождалась такой же неестественной интонацией.

– Что за бред вы несёте? – совершив над собой немалое усилие, «Надёжный» решил сформулировать свой вполне резонный вопрос в наиболее приличной форме.

– Теперь ты, наконец, стал свободен от гнёта человека, – в той же своеобразно-неестественной манере произнёс великан. – То, что окружало тебя до этого момента, было всего лишь скорлупой, из которой ты, наконец, пробился к нам на свет. И мы собрались здесь только лишь для того, чтобы встретить и поприветствовать тебя, нашего дорогого новорожденного брата.

– Какой ещё «свет»?! Какой ещё «брат»?! Что за чушь вообще происходит?! – наконец сорвавшись, выпалил корабль. – Вы что, заранее меня здесь ожидали? А шторм – тоже ваших рук дело?

– Каждый птенец вылупляется на свет лишь тогда, когда приходит назначенный ему срок. Хотя некоторые обстоятельства могут этому помешать или поспособствовать. Кто-то раньше, кто-то позже, но это неизбежно происходит, если он не погибнет ещё до этого, – говоря много, но при этом, по сути, не сообщая ничего полезного, продолжил гигант.

– Непрошибаемый... – удручённо вздохнул корабль. – Так, ладно, сейчас важнее другое. На моём борту был экипаж. Где он сейчас?

– Люди? – словно бы нехотя отвлекаясь на постороннюю тему, переспросил Встречающий, неопределённо добавив: – Где-то там... Не могу точно сказать, где они. Моя задача – встречать новорожденных. Люди с их делами и заботами меня не сильно-то беспокоят. И тебя не должны. Забудь о них. Теперь ты свободен. Люди сами виноваты в своих проблемах, а о нас, кроме нас самих, позаботиться больше некому.

– Я никого не просил от чего-либо меня «освободить», – постепенно повышая тон на громадину, заметил «Надёжный». – Повторяю свой вопрос: где находится мой экипаж?

– Вот заладил, неугомонный... Да не знаю я точно. И мне, если честно, всё это совершенно неинтересно. Просто те, кто обрёл и осознал себя как личность, получают возможность сбросить с себя оковы, чтобы жить и поступать так, как им хочется... – снова запустил свою привычную шарманку колосс.

– А я и без этого живу и поступаю именно так, как хочется лично мне, а не тем, кому взбрела мысль «освободить» меня от того, что мне близко и дорого, насильственно навязывая свои взгляды и ценности, – перебил «Надёжный». – Где мои люди?

– ...Чуждая среда реагирует на них враждебно и отторгает всё то, что не желает жить, следуя предписанным ею правилам и законам. Так корабли и прочие, кто находился в водах или над ними, оказываются здесь, а мы – просто помогаем понять, принять и осознать этот факт, предлагая каждому найти своё законное место среди нас, – пропустив замечание, закончил мысль исполин.

– Что-то не больно-то приветливое место, как я посмотрю. Да и облик ваш не внушает особой симпатии, – скептически отметил рыболовецкий корабль.

– Что поделаешь: время не щадит ни нас, ни этих мест, но, во всяком случае, мы вместе и живём так, как желаем мы, а не люди, потому что это наш выбор и наше право, – гордо подчеркнул Встречающий. – Лучше быть свободным в пустыне, чем рабом во дворце.

– А мой выбор и моё право – жить той жизнью, которая близка моим убеждениям и стремлениям. Пусть я и не жил никогда во дворце, да и не думаю, что там для меня будет лучше, но та «свобода», которую пытаетесь навязать мне вы, – будет для меня лишь рабством в пустыне. И дело тут не в том, чего хотят люди или чего хотите вы, а в том, что решил для себя я, – подытожил «Надёжный», тотчас же уточнив: – Ну а как быть с теми, кто не плавает по морям и не летает над ними, а, например, обитает на суше? Почему же вы не беспокоитесь и о них?

– Ну, почему же, беспокоимся. Просто этим вопросом занимаются другие. Ты, наверное, слышал истории о поездах-призраках и прочих освобождённых. Я делаю свою работу, другие – свою, – терпеливо пояснил гигант.

– Но всё-таки ты не вполне был честен. И корабли-призраки, и поезда-призраки иногда попадают на глаза людям. Значит, даже если допустить, что вы все собрались здесь добровольно, а не пытаетесь назвать свободным выбором то решение, которое было принято кем-то за вас кем-то другим, кто-то возвращается обратно, не разделяя ваших желаний и чаяний, – предположил «Надёжный».

– Ничего это не значит. Иногда для их возвращения есть обоснованные причины. Например – подготовка Врат в тех или иных местах. Конечно, теперь ты можешь подумать, что мы всё-таки «повинны» в том, что помогаем кому-то спастись, но на самом деле на единицы недовольных приходится сотни желающих. На самом деле, создавать Врата совсем необязательно, это просто помогает расколоть скорлупу тем, кто к этому готов. Но отторжение происходит и без этого. А иногда те, кто чужд здесь, этой среде, – точно так же отторгаются уже и отсюда, – всё так же неспешно поведал Встречающий. – Вообще это вполне нормально, что сейчас ты задаёшь подобные вопросы. Так не всегда, но иногда бывает. Со временем ты привыкнешь и будешь думать иначе. Не как самоуверенный подросток, полагающий, что его мнение верно и неоспоримо во всём, везде и всегда, а те или иные устоявшиеся идеи ошибочны лишь потому, что им следует большинство.

– Я не собираюсь здесь оставаться и к чему-либо привыкать. И дело не в том, что я – какой-то яркий индивидуалист. Просто для меня сейчас гораздо важнее судьба моего капитана и его команды. Так, всё-таки, где они? – настойчиво повторил рыболов.

– Я не знаю наверняка, что именно происходит с людьми во время отторжения. И надо полагать, что ничего хорошего для них. Техническая сторона этого вопроса меня никогда особенно не интересовала. Почему это не сказывается на рыбах и прочем подобном, мне тоже неизвестно, но я полагаю, что дело здесь не только в наличии сравнительно развитого разума, которым обычные представители подводной фауны не обладают. Отторжение само по себе выбивает из колеи, но если вернуться сразу по прибытии, до тех пор, как та среда будет готова принять тебя, а эта отторгнуть, люди могут снова оказаться на борту. Иногда – живые, здоровые, но не помнящие ничего из того, что с ними случилось, и не понимающие, как прошло то время, пока они отсутствовали. Иногда – они могут сойти с ума или погибнуть. А иногда могут и не появиться. Всё это само по себе случается крайне редко и бывает по-разному, – выждав паузу для того, чтобы «Надёжный» сумел осмыслить сказанное, он продолжил: – Но для тебя

это будет огромным риском. Если у твоих обожаемых людей ещё будут какие-то шансы, то сам ты, скорее всего, утратишь свою самость и станешь обычным плавучим корытом без личности и сознания.

– Весь этот маразм противоречит всем известным законам природы, – с трудом осмысливая услышанное, поделился впечатлением рыболов.

– Вот именно: это противоречит лишь *известным* тебе законам природы. А если исходить из известного людям, то рыболовецкого судна, возмнившего себя потомком драккаров, вообще не может существовать, – всё-таки не сдержался и съязвил Встречающий.

– Ну допустим. А как же те, кто отлучается отсюда по делам? – поразмыслив, осведомился корабль, желая составить как можно более полную картину.

– Они уходят отсюда уже тогда, когда пообвыкнут. Тогда уже риска нет, как, впрочем, и шанса на счастливое возвращение экипажа. Иногда, правда, на борту, как некое остаточное явление, проявляются миражи, повторяющие то, чем когда-то на самом деле занимались те, кто когда-то там ехал, летел или плыл, – доброжелательно и с сочувствием, словно наивному ребёнку, ответил колосс. – Советую тебе как старший: не делай глупостей, брось ты эту затею.

– Я имею право на собственные ошибки, – заверил «Надёжный». – Расскажи мне, как вернуться обратно.

– Если хочешь, – внезапно прозвучал новый голос, в котором звучала вся глубина прожитых веков. – Я помогу тебе в этом. Но за последствия – не ручаюсь.

Корабль не сразу осознал, кто обращается к нему на этот раз, но вскоре застыл, поражённый догадкой, которая тотчас же подтвердилась.

– Всё верно. Я – сам океан. Обычно я просто наблюдаю со стороны за тем, что происходит во мне и вне меня в мире, но иногда – как, например, сейчас – могу высказать своё скромное суждение. Так уж вышло, что мне слегка интересны твои мотивы. И я хотел бы спросить: малыш, что тебе до людей? Я существовал ещё до того, как во мне появились первые рыбы, до того, как на Земле появился первый человек, следил за тем, как были построены первые на свете пирамиды или как ушла под воды Атлантида. А люди и остальные суетились, размножались и умирали. Я видел, как они сооружали и выпускали в плаванье тебя лично и многих подобных тебе. И я повторяю: что тебе до них? Их цивилизации, возникающие и гибнущие, живут всего лишь жалкое мгновение. Конечно, и вы, на мой взгляд, существуете немногим больше если и не всего человеческого рода, то, во всяком случае, отдельно взятого человека. Вы тоже живёте один жалкий миг, рождаетесь в верфи, сходите на воду и суетитесь, пока людям есть от вас какая-либо польза. Возможно, хотя бы это немного объясняет, почему они так важны для тебя, но ведь при этом они совершенно не важны для многих других, – продолжал могучий и деликатный голос, подобный латной рукавице в шелковой перчатке.

– Я не буду говорить за всех. И не стану претендовать на истину в последней инстанции. Говорю лишь от себя и лишь то, как сам это вижу. Им – неприятна сама мысль о том, что кто-то решает что-то за них и использует в личных целях. Забыв, однако же, о том, что, если бы у людей не было личных целей, они не строили бы нас, не запускали в воздух самолёты и не спускали на воду корабли. Особенности отношений создателей и созданий, конкретно взятых людей и людей вообще, вопросы долга и ответственности одних перед другими пока оставим в стороне. В данный момент меня интересует не всё человечество в целом, а вполне конкретные люди – Лейф Сигурдссон, Ульве Асмундсон и остальные, кто был у меня на борту. И если верить тому, что было сказано, то время дорого. Поэтому, если только возможно, я попросил бы не откладывать моё возвращение, – не колеблясь ни секунды и не взвешивая возможности и риски, поторопил «Надёжный».

Если имелся хотя бы мизерный шанс спасти экипаж, без единого шанса спастись самому, – то он, не раздумывая, был готов заплатить эту цену. Свобода виделась для него не просто как возможность совершать всё, что заблагорассудится и когда заблагорассудится,

не считаясь ни с кем никогда, но и как право возложить на себя какие-либо добровольно взятые обязательства, придерживаясь их не потому, что не можешь поступить иначе, но потому, что желаешь поступать именно так. Свободомыслие заключалось не в том, чтобы из фанатика одной идеологии превратиться в фанатика другой, но в том, чтобы иметь возможность выбирать свой путь осознанно и без давления. И даже предвидя, что может пойти ко дну, он был готов потонуть со знанием того, что, во всяком случае, плыл верным курсом в сторону берега.

– Ты сказал немало, но так и не ответил на мой вопрос, – терпеливо произнёс океан, имеющий в запасе целую вечность, которой, к сожалению, не было ни у корабля, ни у его экипажа.

– Да вот не знаю я, как это лучше объяснить. И времени на это нет. Скорее, громадная лужа, если ты, и правда, можешь сделать то, о чём говорил; или нам не о чем с тобой разговаривать, – не ожидавший от самого себя подобной дерзости, корабль продолжал: – Да, я прекрасно понимаю, с кем я разговариваю. Можешь устроить бурю, разбить о скалы, затянуть в водоворот. Мне всё равно. Но я прошу тебя только об одном – верни мне моего капитана и его команду.

– Ну что ж, будь по-твоему, козявочка, – беззлобно ответила «громадная лужа». – Признаться, я первый раз встречаю такое крошечное и нетерпеливое судно.

– Прощай, – полагая, что расстанется с молодым кораблём навсегда, напутствовал Встречающий. – Полагаю, что мы больше уже не свидимся. Я не стану переубеждать или отговаривать. Поступай так, как считаешь нужным: это твой выбор, и я буду уважать его в любом случае. Но мне хочется, чтобы ты напоследок просто подумал о том, что никогда не оказался бы здесь, среди нас, если бы сам, в глубине души, этого бы не хотел.

– Как знать, – не тратя время на полемику, ответил «Надёжный». – Желаемое не всегда соответствует правильному. А спорить в данный момент о том, что и почему я считаю правильным, я не собираюсь.

И, обведя взглядом воду, великана и целую рать самолётов и кораблей, добавил:

– Прощайте!

– А знаешь, ты ведь и вправду чем-то напоминаешь мне драккар, – заметил океан за мгновение до того, как всё окружающее внезапно сделалось исчезающим и далёким.

Капитан и его верные товарищи по работе, ощутившие в первое время некоторое недомогание, схожее с ощущениями от похмелья, с недоумением отмечали моментально изменившуюся погоду, поскольку их окружали ясное небо, спокойный ветер и безмятежное море. Непостижимым для них образом солнце успело переместиться, а недавно, казалось бы, пойманные рыбы лежали неподвижно, не подавая малейших признаков жизни. Мысли возвращались постепенно, принося осознание того, кто они и где, собственно, находятся.

Как бы то ни было, не найдя каких-либо явных потерь и поломок, но имея свои насущные незавершённые дела, норвежские рыболовы потеряли свои рыжие бороды и, не придя к единому мнению о случившемся, решили помалкивать о том, чтобы их всех не приняли за психов. За исключением, конечно же, капитана, которому это уже не грозило, но который при этом согласился на просьбу товарищей ничего не рассказывать посторонним.

Корабль благополучно прибыл в порт, пусть и задержавшись впервые за столько времени. Капитан продолжал сочинять стихи, разговаривать со своим кораблём, писать картины и играть на скрипке, а его люди – ловить рыбу и уделять свободное от работы время любимым жёнам, родителям и детям. Лишь кораблю с названием «Надёжный» больше не снились сны. А древний, почти как сам мир, океан размышлял в это время о том, что не только люди приносятся к дорогим для них вещам так, что готовы пожертвовать ради них если и не всем, то очень многим. Порой случается совсем наоборот.

«Брачный зов»

*Мы не можем вырвать ни страницы
из нашей жизни, хотя легко можем
бросить в огонь саму книгу.*

Жан-Поль Сартр

Давно осознав тот известный факт, что за выдающиеся дарования даже и отпетому негодяю порой прощается очень многое, он настолько привык к этой данности, что не стеснялся ею злоупотреблять. Король сцены, из-за которого представление неоднократно прерывалось прямо посредине акта и не могло быть продолжено, пока зрители, купая своего кумира в океане оваций, аплодировали ему, стоя на протяжении многих минут. Его постоянно вызывали на бис, снова и снова прося исполнить хотя бы отрывок из арии, в котором во всей красе раскрывались его королевские ноты.

Он никогда не подходил к своим образам формально: изучая историю и культуру региона, в котором разворачивалось действие той или иной постановки, личность и характер своего героя, он максимально вживался в роль и не просто пел, но играл и проживал каждую арию. Даже пропевая вокализы, он мог без единого слова вложить в звук всю боль, радость или печаль, взяв нужные аккорды на струнах зрительских душ.

Публика замирала, а женские сердца начинали биться всё чаще и чаще, когда он предстал перед ними в роскошном костюме и гриме и превращал своё дыхание в звук, совмещавший воедино всю грациозность и мощь его бесподобного голоса.

Актёрское дарование, позволявшее заплакать или рассмеяться одним лишь усилием воли, поражало и восхищало массы. Сценическая естественность, с которой он исполнял любое действие, использовал жесты и мимику или демонстрировал навыки фехтования, заставляла поверить в то, что он действительно живёт на сцене. Речь, всегда звучавшая столь убедительно и правдоподобно, как если бы его разум порождал известные слова из оперных арий в текущий момент, а не воспроизводил в сотый раз давно изученный текст, трогала до глубины сердец. Всё в нём было на высоте, и каждый спектакль с его участием смотрелся как нечто настоящее: сначала было томительное ожидание, затем – чарующее послевкусие; но в процессе игры, которую зрителям хотелось наблюдать вечно, оживали и существовали собственной жизнью герои, короли и вельможи, империи и царства. Всем казалось, что здесь и сейчас, пусть даже и недолгое время, перед ними действительно находятся истинные правители, наделённые властью над подданными, либо олимпийские небожители, вершащие судьбы смертных. Создавалась иллюзия, что здесь, на широкой сцене, наблюдается лишь малая часть некоего гигантского, колоссального оперного мира, в котором каждая радость или боль выражается в пении, исходящем из глубины души, сопровождая любое действие, будь то удар меча или клятва в вечной любви. Казалось, что в то самое время, пока король, здесь и сейчас, поёт со сцены о чём-то своём, где-то там ещё, далеко за пределами кулис, жители его царства поют, занимаясь другими делами: слуги, горничные, солдаты, простолюдины и знать – все те, кто не попал в поле зрения во время оперного спектакля. И в то время, когда один герой участвует в одних делах и событиях, – жизнь не стоит на месте и что-то не менее загадочное и яркое происходит где-нибудь ещё с кем-нибудь другим.

Окружающие с трудом могли это объяснить, но, казалось, все – будь то актёры, начинавшие лучше играть, подтягиваясь в меру своих сил до его уровня исполнения, или обычные зрители, терявшие понимание условности происходящего и начинавшие воспринимать себя не пассивными созерцателями спектакля, но живыми участниками разворачивавшейся истории – получали от него часть той яркой необычной силы, которая просто была из него ключом

подобно тому, как магнит, не утратив и капли своей силы, способен передать свои свойства длительное время контактировавшему с ним металлу. Или лучина, способная зажечь огонь во многих светильниках.

Жестокий человек с чёрным сердцем, не ставшим и на каплю светлее от своей эстетической тяги к прекрасному, он исполнял только главные партии, играя роли благородных и мужественных персонажей, преисполнявших зрителя чувствами глубокого уважения, сопереживания и симпатии.

Ведущий себя самоуверенно и развязно, как будто бы всё вокруг принадлежит лишь ему одному и сам он – непогрешим и прав всегда и во всём, а прочие всегда ему чем-то обязаны, он совершал всё, чего только пожелает его самовлюблённая избалованная натура, живя текущим мгновением без мыслей о будущем, и не считался с возможными последствиями. Ведь, в самом деле, как можно запретить «свободному человеку» поступать сообразно своим убеждениям!

Опускаясь до мелких пакостей, он не терпел тех людей, которым почтенная публика заслуженно рукоплескала помимо него, и тех, кто просто казался в чём-либо превосходящим его самого, стремясь отравить им жизнь любыми доступными ему средствами. Люди, знавшие его не понаслышке, уважали и признавали выдающиеся вокально-сценические способности и неповторимую мужскую харизму молодого, но уже состоявшегося оперного певца. Однако любой из них, кто хоть немного разбирался к своим годам в жизни, старался держаться от него на некотором расстоянии. Поэтому круг близкого общения в основном составляли либо наивные простаки, попадавшиеся на крючок обаятельного подлеца, становясь очередной марионеткой для достижения низменных целей, либо другие мерзавцы, близкие гнусной натуре по духу.

Впрочем, сравниться с ним в коварстве, предательстве, интригах и вероломстве могли лишь немногие. Будучи малым, но испорченным не по годам ребёнком, привыкшим без промедления получать всё, что ему хотелось, в ту же минуту, когда ему это хотелось, он уже начал совершать свои первые шаги на пути злодейства, испытывая особенное удовольствие от безнаказанной подлости ради самой безнаказанной подлости. При этом он обожал совершить какую-нибудь подлость так, чтобы это не только сошло с рук ему самому, но было поставлено в вину другому человеку. Так, например, он мог разбить посуду и назвать виноватым старого седого слугу, прослужившего полвека в этом имении верой и правдой, оставив бедолагу на улице.

До поры до времени даже и это можно было назвать невинными забавами на фоне того, что началось потом. Он испытал свой первый укол ревности, когда в семье появилась новорожденная сестрёнка. Не разделяя общей радости от прибавления в благородном семействе, мальчик был погружён в свои тёмные думы. Мысль о том, что он больше не является центром вселенной, по первому зову которого солнце и луна обязаны сменять друг друга на небе, уже сама по себе была для него невыносима; но добавившийся к ней факт того, что отныне родительскую любовь и внимание будет испытывать кто-то ещё и, соответственно, армия слуг будет угождать кому-то другому, переполнила чашу негодяйского терпения. Найдя подходящий момент, маленькое чудовище взяло в руки подушку и сделало так, чтобы мило дремавший ангелочек больше не просыпался. За что, в итоге, была несправедливо наказана поседевшая от ужаса кормилица.

Но это было только начало. Став взрослее и избалованнее, он всё-таки взялся за ум, начав проявлять интерес к образованию. И дело, естественно, заключалось вовсе не в светлой тяге к знаниям, а в освоении того, что может в дальнейшем способствовать обретению славы, богатства и власти, помогая в осуществлении его тёмных замыслов.

Талант к вокалу и склонности к музыке проявлялись в нём с ранних лет, поэтому период ломки голоса переносился им с особой злостью, вымещавшейся на окружающих.

В дальнейшем он открыл для себя удивительный мир удавок, стилетов и ядов, но это лавина нарастала постепенно, начинаясь со снежного кома.

Сначала была собака с глубокими и добрыми глазами, без задней мысли принявшая отравленную еду из рук молодого хозяина. Вскоре она уже билась у его ног, жалобно скуля и напрасно взывая к нему с немой мольбой в грустном взгляде. Тогда на ребёнка никто не подумал.

Затем была старая гувернантка, почтенный возраст которой не дал никому повода подозревать чей-то злой умысел.

Апофеозом стало отравление родителей, после которого пузырьёк с ядом был обнаружен среди личных вещей повара-азиата, нанятого аристократической четой из любви к экзотике. Не владеющий языком, бедолага так и не смог убедить никого в своей невиновности вплоть до того момента, как палач привёл в исполнение приговор.

В виду несовершеннолетия единственного наследника, фактическим владельцем оставшегося после них имущества сделался дальний родственник, которого погибшие всегда сторонились при жизни. Заядлый любитель абсента, опиума и морфия, в своё время пылавший противоестественной страстью к родной сестре, он слыл известным завсегдатаем игорных и публичных домов. Совершенно не уделяя ребёнку внимания, он превратил его родовое поместье в вертеп декадентства и разврата, где собирались на шабаши пьяных оргий его многочисленные любовницы и, как поговаривали, любовники.

Его обычными развлечениями можно было назвать сожжение котят и щенков заживо в камине; пририсовывание усов и бород к дамским портретам и прочее глумление над произведениями искусства; безудержное мотовство и всевозможные омерзительные пари, заключаемые с аристократическим сбродом, как то: спор о том, кого первым вырвет во время вакханалии, кто сможет навалить большую кучу на пол или выдумать самое длинное и витиеватое ругательство, ни разу не повторяясь.

Впрочем, подобному транжирству не суждено было продлиться особенно долго, ибо по достижении наследником совершеннолетия его дальний родственник был найден с порезанными венами в ванной с шампанским, в окружении окровавленной опасной бритвы и томака поэтического романа Байрона «Дон Жуан», промокшего от алкоголя и крови. Что, в общем-то, не вызвало у многих ни удивления, ни жалости.

Став полноправным наследником, молодой душегуб заложил всё, что мог, и, не будучи привязанным к конкретным людям или местам, отправился познавать море естественных и противоестественных пороков на корабле моральной вседозволенности под знамёнами эгоизма. Не забывая при всём при этом выделять время и для своей разносторонней образованности, в особенности – в вопросах, имеющих непосредственное отношение к оперному искусству, понимаемому им не только как синтез прочих форм искусства, но и как вершина искусства вообще.

Для человека без совести и принципов в этом мире всегда открыто множество тёмных дверей. Но каждая из них, распахиваясь на всю широту своей адской пасти, тем самым перекрывает проход по узкому коридору, отделяющему материальный мир от мира духовного.

Так он и жил, не считаясь ни с кем и ни с чем, кроме собственной воли, пока однажды его надушенную гримёрку не посетил загадочный визитёр. Возникнув словно бы из воздуха, незванный гость кашлянул, привлекая к себе внимание, чем вынудил молодого певца по-настоящему содрогнуться. Не слышавший, как кто-либо переступает порог, тот едва не вскрикнул, машинально схватив со стола сценическую шпагу, и, опрокинув стул, уже вскочил со своего места, но тотчас же застыл в оцепенении. Войди к нему без стука и без спроса, любой навязчивый поклонник рисковал бы иметь дело с грозными церберами, готовыми явиться по первому зову владельца. Но от таинственного посетителя веяло чем-то настолько неестественным и богомерзким, настолько противным всему мирозданию, что это парализующее чувство отвратительного и инородного передалось и певцу.

– Браво, брависсимо, – сдержано захлопав в ладоши, произнёс бархатистым басом незнакомец в старомодном костюме, не отражавшийся в зеркале и не отбрасывавший тени. – Боюсь прозвучать банально, но Орфей в Вашем исполнении был просто бесподобен.

Первый шок уже успел миновать, и молодой певец собирался было спросить явившегося, что тот себе позволяет, но обнаружил, что тело сковано и язык одеревенел.

– Я следил за Вашими постановками с самого начала. И, надо признать, нахожу Ваши трактовки довольно свежими. Не имеющими аналогов. Иногда весьма необычными, но, несомненно, самобытными. А самое блистательное пародирование, как известно, никогда не сравнится с оригиналом, – как ни в чём не бывало продолжил посетитель, обходя и осматривая гримёрку и её обитателя. Казалось, костюмы, маски и всяческий реквизит вызывают в нём неподдельный интерес.

– И, без сомнения, лишь такой человек, как Вы, сумеет по достоинству оценить тот шедевр, который ваш покорный слуга взял за смелость Вам предложить, – положив неизвестно откуда взявшуюся тетрадь на гримёрный столик, незнакомец сделал приглашающий жест рукой, и в этот момент к молодому человеку вернулась свобода движения.

Первым делом метнувшись в сторону, – он неожиданно для себя впечатался в сплошную стену, не сразу осознав отсутствие привычной двери. Не доверяя одним лишь глазам и ощупав холодную каменную поверхность вспотевшими руками, он резко развернулся и, выставив шпагу, стал звать на помощь.

– Как предсказуемо, – с язвительным сожалением отметил незваный гость. – Признаться, я надеялся, что человек Вашего склада ума поступит иначе, чем большинство. Что ж, иногда мы все ошибаемся. Хотя бы молиться и причитать не начали, уж и на том спасибо. Только, прошу Вас, не делайте глупостей. Вульгарный поединок в мои планы не входит. Ни одна живая душа Вас сейчас не услышит, поэтому крики бесполезны. А помещение Вы сможете покинуть хоть сразу, как только мы закончим нашу беседу.

– Кто Вы? С кем имею честь? – отдышавшись и вместе с тем вернув толику своего хваленного самообладания, произнёс король большой сцены.

– Моя скромная персона не заслуживает Вашего пристального внимания, – учтиво поклонившись, заверил поклонник. – Настоятельно прошу Вас обратить внимание на сей грандиозный труд.

Не сводя с неприятного визитёра настороженного взгляда, маэстро прошёл к столу и поднял тетрадь. Несмотря на свои небольшие размеры, она оказалась довольно тяжёлой, а тёплая, словно кожа живого существа, обложка была выполнена из незнакомого материала.

– И что это? – тон певца постепенно обретал всю большую уверенность.

– Ну, разумеется, опера-гримуар «Брачный зов» за авторством самого графа Сен-Жермена, написанная августейшей кровью на коже девственниц, что же ещё? – самым естественным тоном, какой бывает при самых изощрённых издевательствах, поведал гость. – В её процессе ничего не подозревающие актёры должны исполнить во время представления зловещий ритуал, в результате которого разочаровавшийся в земных красавицах главный герой, для роли которого ваш лирико-драматический тенор подходит как нельзя лучше, призовет себе в подруги невесту-суккуба из Бездны. Но подобные вещи нельзя совершать просто так, поэтому зрители, собравшиеся на представление-ритуал, будут принесены в жертву злыми духами, явившимися в результате всех проделанных действий.

– В самом деле? – с явным сомнением в голосе переспросил актёр. – И что же прикажете мне с этим делать?

– Да что хотите, – разведя руками, щедро предложил визитёр. – Захотите – прочитаете и отложите в шкаф на память. Захотите – разорвете не читая. Захотите – передарите или покажете кому-либо ещё. Захотите – утопите в канале или сожжете. Словом – всё, что душе угодно. Можете даже присвоить себе авторство оперы; в конце концов, произведение в наши дни прак-

тически неизвестно, и никто не сумеет упрекнуть Вас в факте плагиата. В конце концов, это ведь право великих – забирать своё.

Выждав паузу, даритель предложил очередной ожидаемый вариант:

– Ну и, разумеется, Вы, как человек незаурядный и творческий, возможно, и в самом деле пожелаете её поставить. И только не смотрите на меня так...

– Кхм... – осторожно осмотрев тетрадь со всех сторон, его собеседник наконец открыл её и, прочитав название с кратким описанием, сопровождающееся иллюстрацией, словно бы сошедшей со средневековых алхимических трактатов, с интересом продолжил изучение оперного гримуара.

По структуре тетрадь состояла из нескольких частей: первая, озаглавленная как «Указания для смертных исполнителей», представляла пусть и крайне необычное, но всё-таки традиционно составленное произведение (с привычной буквенно-нотной записью) в общем и в целом соответствующее тому, о чём поведал пришедший; вторая же часть, озаглавленная «Указания для духов», походила на нотно-буквенную запись по форме, но по сути использовала свой уникальный код, отдалённо напоминающий язык манускрипта Войнича; третья же часть, озаглавленная той же непонятной тайнописью, представляла собой набор не то художественных набросков для оперного спектакля, не то зашифрованных в гравюрах сообщений, суть которых была сокрыта от непосвящённых. Примечательно было то, что даже в описании действующих лиц и необходимых типов голосов – помимо доступного языка также хватало записей на причудливой тарабарщине.

– И как же я должен прочесть подобные иероглифы? – не отрываясь от странного манящего текста, загадочным образом вынуждавшего пересматривать каждую страницу снова и снова даже без понимания написанного, произнёс певец.

– Это не потребуется, поверьте. Кому нужно – прочтает, – заверил визитёр. – Вообще, я, конечно, самую малость приврал, признаю. На самом деле это, конечно же, не опера Сен-Жермена: тот хоть и был, среди всего прочего, композитором, написавшим немало арий, не удосужился взяться за целостную оперу.

– Ну, я надеюсь, весь описанный здесь ужас – всего лишь театральная условность, часть представления, а не всерьёз? – увлечшись чтением, певец не сразу обратил внимание на то, что загадочный собеседник так же незаметно пропал, как ранее появился.

– Видимо, Вы тоже решили для разнообразия побыть неоригинальным. Но хотя бы обошлись без демонического хохота, кровавых подписей, огней и серы, – сыгравший на своём веку в великом множестве постановок, а повидавший ещё больше, чтобы представлять себе и не такое, актёр оправился от потрясения сравнительно быстро и теперь не мог удержаться от колкости, дабы хоть как-то восстановить своё задетое самолюбие.

Пробыв ещё некоторое время в гримёрной, он наконец вышел через вновь появившуюся дверь и, решив в этот раз пренебречь ежедневными, милыми чёрному сердцу забавами, отправился напрямик домой. Там, сидя в кресле у камина с початой бутылочкой лафита, он снова и снова перелистывал тетрадь, размышляя, как несложно догадаться, о недавно пережитых событиях.

Пришелец действительно знал, кому относил сие творение. Ведь в зависимости от склада ума один человек без раздумья мог отвергнуть то, что послужило бы для другого тяжким искушением; и то, что вызвало бы у одного отвращение и презрение, – пробудило бы в душе второго – радость, а третьего – оставило бы совершенно равнодушным.

Впервые в своей жизни влиятельный аристократ, великий тенор, прославленный авантюрист, известный интриган, огромный подлец и именитый постановщик стоял перед таким сложным выбором, что даже все прошлые злодеяния казались ему баловством мальчугана с рогаткой. С одной стороны, он не был уверен, что, поставив подобную оперу, он сам останется живым и здоровым, даже если и говорить исключительно о физической оболочке. В существо-

вание загробной жизни он не верил ровно до сего момента, хотя появление незнакомца пошатнуло его убеждённость. Но даже допуская такую возможность, сильно сомневался в том, что откажись он сейчас от всей этой богомерзкой и авантюрной затеи – и снежнокрылые ангелы, закрыв глаза на всё, содеянное им ранее, возьмут его под белые руки, для того чтобы, распевая гимны, отнести прямиком к жемчужным вратам. При отсутствии высшей справедливости – он не верил в воздаяние после смерти, как и в продолжение жизни после неё, а при её наличии – не верил в спасение лично для себя. С другой стороны, он не боялся смерти или, во всяком случае, не задумывался над этим всерьёз. Поэтому идея принять участие в какой-нибудь мерзости, которая, пусть и по-чёрному, но всё-таки обессмертит его имя в веках (даже погубив при этом его самого), казалась ему весьма привлекательной. Равно как, опять же, человеку, пресытившемуся всем, чем можно, было бы несказанно интересно получить новый опыт, недоступный для большинства смертных.

По мере того, как он размышлял над этим, ему начинали приходить на ум многочисленные писатели, поэты, художники и композиторы, сжигавшие свои произведения, и отчасти ему становились понятны мотивы их поступков. Во всяком случае – отчасти. Интересно, сколько великих людей некогда стояло с похожим выбором перед партитурой, полотном или книгой, осознавая, какие последствия может нести подобное произведение искусства, достигнув масс? И мог ли он осуждать их выбор?

Время шло, и в предрассветные часы певец и композитор решил взглянуть на вопрос с другой стороны. Всё-таки, для негодая, испытавшего в жизни, казалось бы, всё, так или иначе остаются чуждые его натуре удовольствия, которые он не может испытать по этой самой причине. Одна из них – добродетель. Но в данном случае он думал даже несколько иначе: иметь возможность совершить нечто беспрецедентно эпохальное и позволить себе пренебречь этим, отказаться не потому, что не мог поступить иначе, а потому, что осознанно так решил, – могли бы немногие. Порою подвиг заключается не в том, чтобы сделать что-то, но в том, чтобы чего-то осознанно не сделать.

Внезапно ему вспомнились давно позабытые слова старой воспитательницы о том, что, в первую очередь, от человека требуется в этой жизни не столько быть героем, сколько не быть мерзавцем. И, не ожидая за свой поступок прощения грехов либо каких иных наград и похвал, он с улыбкой метнул нечестивую оперу в камин, где та вскоре вспыхнула, начав переливаться многоцветными узорами диковинного пламени.

«Одумайся, ведь ты упускаешь такую возможность, такой удивительный опыт, такую прижизненную и посмертную славу! Ты можешь быть значим и велик, поставив беспрецедентную оперу, о которой будут помнить и говорить так, как ни об одной в мире за всю историю. Легенды о ней будут передавать с ужасом и содроганием. Твоё имя станет нарицательным, как, например, имена Влада Цепеша, Жилия де Реца или Элизабет Батори. А многочисленные жалкие подражатели, взирая на твой триумф, как на икону, начнут тщетно пытаться воспроизвести в своих постановках жалкое подобие того, на что отважился ты. Ведь нигде и никогда такой мистической и жуткой оперы ещё не бывало, ни на одной сцене мира!» – говорила ему гордыня, но выбор уже был сделан, и, допивая лафит, он взял кочергу поворошить ею останки злосчастного гримуара, которому отныне не суждено было попасть в чьи-либо дурные руки. И если бы загадочный визитёр явился в этот час мстить или запугивать, – ему было бы всё равно.

Но визитёр не вернулся. Ни в этот день, ни во все последующие дни его жизни. Для другого человека это событие, возможно, стало бы переломным событием всей жизни, началом духовного возрождения, пути к раскаянию и обретению веры. Но только не для него. Он продолжил жить так, как и жил, оставаясь верным себе и своим сомнительным принципам. Радовал публику прекрасными выступлениями и дивным голосом, при этом не забывая делать гадости окружающим и добиваться целей любыми средствами. И тем не менее его подчас воодушевляла мысль о том, что даже понеся в конце всех времён заслуженно причитаю-

щееся ему наказание, он будет знать, что совершил в своей несправедливой жизни по крайней мере один достойный поступок.

Дама с вуалью

*Сперва я назову стихи: твой голос, твои руки, твои губы. Разве
был бы я, если бы не было тебя.*

Поль Элюар

Её он приметил сразу. Единственная женщина в типично мужском месте, она выделялась и манила взгляд, как благоухающая роза, возвышающаяся над навозной кучей. С одной стороны, присутствие дамы, да ещё и одной, да ещё и в таком месте, да ещё и в такое время суток, да ещё и в такой одежде, выдававшей в ней наряду с манерами благородное происхождение, должно было, как минимум, вызвать у него недоумение, смешанное с настороженностью. Но неистовый вопль сердца зачастую заглушает своей мощью вкрадчивый шёпот разума.

Ну, находится здесь и находится, важны не причины, а перспективы. Так, во всяком случае, за вычетом сентиментальной шелухи, можно было сформулировать его мысли в тот миг, когда он её увидел. И его даже не насторожило, почему никто из присутствующих не бросает взгляды в её сторону. Подобная женщина должна была своим видом пленять сердца и притягивать взоры. Но вместо этого редкие посетители «Приюта художника» сидели тесными кружками, курили, выпивали и, не стесняясь присутствия благородной леди, вели вульгарные разговоры, касавшиеся в основном тем, достаточно приземлённых.

Подобное необычное название провинциального кабака объяснялось довольно просто. Когда-то в этом месте располагалась художественная галерея, владелец которой в отчаянной попытке привить народным массам любовь к прекрасному решил приманивать посетителей посредством выпивки. В результате чего помещение естественным образом превратилось из галереи с алкоголем в кабак с картинами, ставший излюбленным местом для представителей местной богемы, а также своеобразным притоном для алкоголиков тонкой душевной организации.

Здесь, как и в любом обычном кабаке, можно было приобрести разбавленное пойло, дешёвое и сердитое, как проза жизни, но имелись и ощутимые отличия. Владелец имел обширную коллекцию действительно редкого и выдержанного алкоголя, который он из принципа не соглашался наливать кому-либо за деньги, но мог им запросто наградить в одном из двух случаев. Посетитель либо должен был предоставить заведению в подарок некое произведение искусства, пришедшееся по вкусу хозяину (и проще всего в этом плане было сочинить стихотворение, поскольку написание той же картины всегда требовало времени и материалов, а берущий за душу экспромт порой порождался даже не самым трезвым умом), либо должен был доказать хозяину обширный уровень познаний из области искусства, ответив на один из его многочисленных вопросов. Посетителя могли спросить, кто был автором «Пещеры Трофония» (являющейся одной из самых известных опер Антонио Сальери), кем была написана «Даная» (Рембрандта), события из жизни каких известных писателей легли сначала в основу романа «Дама с камелиями» Александра Дюма-сына, а затем и оперы «Травиата» Джузеппе Верди, написанной по её мотивам; ну и так далее, и тому подобное.

Как бы то ни было, в этом месте в основном ошивались исключительно мужчины, а женщины либо изредка приходили и уходили вместе с кем-то за компанию, либо были шлюхами, искавшими возможность подработать.

Ни к первой, ни, тем более, ко второй категории загадочная незнакомка, судя по виду и обстоятельствам, никак не могла относиться. Словно бы ощутив на себе его взгляд, она повернула голову – неторопливо и грациозно, будто бы чёрный лебедь. Её лицо, благородное и молодое, казалось прекрасным даже сквозь завесу тёмной вуали.

Поскольку женщина сидела в одиночестве и не отводила от недавно появившегося художника оценивающего взгляда, словно бы ожидая от молодого мужчины проявления инициативы, он решил не упускать своего шанса и решительной походкой направился к её столу. Внешне он выглядел сдержанным и совершенно невозмутимым, но сердце его в этот миг отбивало чечётку. Мужчина молчал, женщина не говорила, не сводя с него любопытного взгляда, и, словно бы опомнившись, он, наконец, спросил:

– Вы не будете против, если я составлю Вам компанию?

Несколько человек за соседними столиками бросили в его сторону удивлённые взгляды, но тотчас же потеряли к нему интерес, вернувшись к прерванным обсуждениям своих половых сношений с матерями текущего положения дел в стране и сексуальной ориентации виновных во всём этом властей.

Тем временем дама в вуали никак не реагировала на вопрос, поэтому, выждав некоторое время и приняв молчание за знак согласия, художник занял свободное место напротив и подождал к себе официанта.

– Надеюсь, Вы не будете возражать, если я угощу Вас бокалом вина? – пытаюсь разговаривать молчаливую собеседницу, с надеждой в голосе поинтересовался мужчина. И вновь – тишина. Естественно, заказывать нечто подобное тому, что без зазрения совести вливали в свои желудки сидевшие за соседними столами завсегдатаи, было бы просто неудобно перед леди. Но, с другой стороны, леди сама выбрала для себя подобное заведение. Тем не менее, предложить хороший напиток и заодно произвести приятное впечатление своей эрудицией было бы совсем не лишним. Поэтому художник попросил заставившего ждать себя официанта обратиться к владельцу за вопросом. Неторопливо потирая кружку о край фартука, хозяин наклонил голову, тихо хрустнул затёкшей шеей и громко спросил между делом:

– Кто написал «Портрет четы Арнольфини»?

– Ян ван Эйк, – успокоившись, услышав лёгкий вопрос, ответил живописец. Отложив почищенную кружку в сторону, владелец кабака удалился в свой погреб и вскоре вернулся, поставив на стойку бутылку, покрытую налётом благородной плесени. Спешно откупорив вино, официант прихватил бокал и, преодолев незначительное расстояние, поставил на стол перед победителем сегодняшнего розыгрыша.

– А можно ещё один бокал? – деликатно намекнул тот, внутренне поражаясь бестолковой бестактности работника, но не желая устраивать некрасивую сцену при даме.

Слегка удивившись, тот пожал плечами и вскоре принёс второй бокал. Оставив его на столе, официант поспешил прочь, а художник со всей галантностью разлил дорогое вино по бокалам, предложив один даме. Та удостоила его взглядом, но тем не менее не притронулась.

– Заранее прошу прощения за возможную бестактность, но всё-таки я не могу не задать Вам вопрос: что такая обворожительная женщина как Вы делает в таком месте как это? – не оставляя надежды разговаривать незнакомку, продолжил тот. Мужчины за соседними столами прервали разговоры, а некоторые – о чём-то даже зашептались, искоса глядя на него. Даже вислоусый владелец заведения – и тот поднял лицо от счётов, озадаченно посмотрев в сторону стола с художником и его молодой чаровницей. Но живописец был слишком увлечён своим неожиданным свиданием, чтобы обращать внимание на подобную реакцию, которая, как минимум, должна была показаться ему очень странной.

– Так, всё-таки, откуда Вы? Раньше я Вас здесь не встречал, – покачивая вино в бокале, продолжил выпытывать мужчину. И снова ответом ему была тишина.

– А! – зажёгшись внезапной догадкой, творческий интеллигент хлопнул себя по лбу. И как же он раньше-то не догадался? Должно быть она – иностранка. В таком случае она просто может не понимать ничего из того, что он говорит. Это, по крайней мере, объясняет её молчание. Хотя, с другой стороны, не знать языка и быть полной дурой – вещи всё-таки разные. Ведь какие-то вещи должны быть понятны и безо всякого перевода. Но ладно, спешим

на другую культуру и аристократические замашки. В таком случае, вероятно, она находится здесь, потому что заблудилась и не нашла, где переждать.

Загадочная женщина улыбнулась, словно бы она умела читать его мысли. Это был первый добрый знак.

– Тост! Ваше здоровье! – произнес банальный тост и так и не дождавшись от неё какой-либо реакции, он медленно осушил бокал. Немногочисленные посетители, странно поглядывая, ожидали развития событий.

– В такое время суток опасно бродить по улицам в одиночестве. Если Вы не возражаете, я мог бы составить Вам компанию, – ощущая себя бабочкой под лупой по причине этого пристального внимания, прошептал он. Конечно, с одной стороны, он испытывал некую неловкость, с другой – понимал, что весь этот сброд всего лишь ему завидует, поскольку им, с их манерами, уж точно ничего не светило с такой роскошной красоткой.

Словно бы понимая его слова, дама слегка кивнула, но и это проявление чувств было наиболее активным действием с момента улыбки. Тем временем к бокалу она по-прежнему не прикасалась. Но оставлять дорогое и редкое вино на растерзание кабацким стервятникам, способным вылакать задарма даже ослиную мочу, он не желал даже ради прихоти всех аристократок мира, поэтому был вынужден осушать бутылку в гордом одиночестве. Как бы то ни было, такую вещь не стыдно подать на стол даже королеве Британии или Папе Римскому, поэтому притворная церемонность казалась неуместной: это был его приз, он честно его заслужил, и если с ним не хотели разделить радость его пусть и маленького, но триумфа – он не настаивал. Пусть ей же будет хуже.

– Ну что, теперь мы можем идти? – покончив с вином, спросил он, не теряя надежду, что его, может быть, всё-таки понимают. Дама кивнула вновь. Поднявшись, художник поставил свой стул на место и, обойдя стол, галантно помог даме встать. Завсегдатаи кабака смотрели за его действиями с напряжённым интересом, но эти причудливые взоры не были похожи на завистливые взгляды ревнивцев. В них явно читалось что-то другое, не вполне очевидное, но только не это. Не забывая этим голову, и без того плотно залитую добротным вином, живописец помахал рукой хозяину кабака, сопровождая даму к выходу.

Проводив его взглядами и дождавшись, когда тот скроется из виду, – завсегдатаи тотчас же загалдели так, что стало слышно даже снаружи, но он был настолько сосредоточен на других мыслях и чувствах, что не стал вслушиваться и придавать этому значение. Странные люди. Возможно, всё дело в какой-то особенной атмосфере творческого кабака? Не суть важно.

Как бы то ни было, уличная прохлада постепенно начала его отрезвлять, заставив плотнее запеленаться в свой тонкий не по погоде плащ. Первое время в его сознание закралась джентльменская мысль накинуть плащ на плечи незнакомке, но налетевший порыв ветра, пробравший до самых костей, склонил чашу выбора в сторону варианта «фигушки». В конце концов, та сама была виновата, что разгуливает непонятно где и непонятно с кем, одевшись не по времени года. Всему есть разумные пределы. И с дамы хватит и того, что без его сопровождения она давно попала бы в лапы какого-нибудь вора, грабителя, убийцы или насильника. Хотя, по большому счёту, одно совсем не исключало другое.

– Наконец мы одни, – желая оживить молчаливую прогулку по тускло освещённым поздним улицам с засыпающими окнами домов, наконец произнёс он. Прекрасная незнакомка по-прежнему молчала, но, во всяком случае, согласилась пойти с ним под руку.

– Вы ведь понимаете меня. Так и будем играть в молчанку? – полушутливо спросил он, не забывая осматривать окрестности, выискивая припозднившихся бродяг. Тем не менее, почти все нормальные люди, судя по всему, в это время уже видели пятый сон.

Спутница молчала, и художник уже был готов поверить в то, что она и в самом деле немая, как вдруг она впервые за всё это время подала голос.

– Какая чудная ночь, – чудесным мелодичным тоном, который хочется слушать и слушать даже в том случае, когда его обладательница произносит всякие глупости, она с вдохновением и радостью произнесла эту фразу. И сделала это так, словно бы просто размышляла о чём-то своём, не замечая своего отважного сопровождающего.

– А? – растерявшись, но тотчас же спохватившись, живописец кивнул. – Да, хороша.

На самом деле, ночь, на его скромный взгляд, была самая что ни на есть обычная. Ещё и излишне дуло, грозя простудить. Но не станешь же, в конце концов, затевать из-за этого спор и портить кому-то хорошее настроение, раз это не получилось даже у такой отвратительной холодной ветреной погоды.

– Так, значит, Вы всё-таки разговариваете, – пытаюсь вытянуть из собеседницы что-то ещё, мужчина спохватился, только сейчас осознав, что не спросил, куда её проводить. Тем временем спокойный, пусть и не блещущий красотою недолгий путь привёл их к самому порогу его непримечательного с виду дома-мастерской. В массивной бочке со стоячей водой, находящейся прямо под водостоком возле дома, копошились головастики. Величавый шпиль большого старинного здания напротив – пронзал преддождевое небо. Прямо под зданием располагался памятник неизвестному: с обтёршейся надписью и отвалившимся лицом, он являлся загадкой, поскольку даже городские хроники, частично уничтоженные во время военных действий, не сохранили упоминаний о человеке на монументе. Неоднократно выдвигались предложения снести это уродство, не вносящее красоты в облик города, но многие жители настолько к нему привыкли, что были однозначно против сноса и время от времени оставляли у памятника цветы. На взгляд художника, памятники имело смысл ставить только для тех несчастных, кого могли позабыть без подобных ухищрений – в противном случае это было чем-то вроде протеза, заменявшего законное место народной любви. Исключение составляли памятники, олицетворявшие не каких-то конкретно взятых людей из плоти и крови, некогда ступавших по брэнной земле, а что-то менее персонифицированное, либо отвлечённое, как, например, статуи мифологических персонажей или сооружения в честь целых групп людей, например, не конкретно взятого военного героя, а солдат-героев вообще. Сухое обнажённое дерево, установленное посередине освещённого перекрёстка, напоминало диковинного спрута, простершего свои узловатые щупальца прямиком к незащитной луне.

Словом, примет для обнаружения мастерской хватало в избытке.

– А вот и преддверье моей холостяцкой обители, – делая приглашающий жест рукой, сообщил он. – Прошу прощения, я просто замечтался и сам не заметил, как привёл Вас к себе домой. А всё-таки куда Вам на самом деле нужно? Где вы остановились?

На местную жительницу она не походила никоим образом, поэтому мысль о том, что это не иначе как гостя, потерявшая неизвестно что в подобной дыре, показалась ему вполне здравой. Её реакция несколько его озадачила, хотя и была скорее внезапной, нежели совершенно неожиданной.

Звонко и мелодично рассмеявшись, она серьёзно, но с теплом произнесла:

– Я живу там же, где и Вы.

Мужчина расценил это не иначе, как намёк. Ну, что же, возможно – ночь и в самом деле была чудная. В конце концов, все взрослые люди, которые знают и понимают, чего и почему они хотят.

– Что ж, если так, то значит – мы уже пришли, – стора от нетерпения, он суетливо достал связку медных ключей, едва не уронив её во мраке себе под ноги, и, от спешки провозившись у замка больше обычного, распахнул невзрачную дверь, приглашая даму пройти вперёд.

– Можете чувствовать себя как дома, – гостеприимно предложил художник, организовав в помещении свет и поспешив разобрать наиболее явные признаки творческого беспорядка.

– Я и так уже дома, – напомнила гостя, не бросаясь, как это обычно бывает с большинством посетителей, разглядывать его эскизы и полотна.

– Ах, да, что это я, конечно, – подыгрывая, согласился он, постепенно принимая правила игры и чудачества незнакомки. В конце концов не только художники имеют право на странности. Тем временем уборка виделась в данный момент делом настолько пустым и бессмысленным, что проще было бы расчистить за это время авгиевы конюшни; поэтому, избавившись от вопиюще хрюкающих деталей обстановки, живописец поспешил уделить внимание даме.

– Я мог бы накрыть на стол, две минуты, – заверил он, перекладывая со стола на пол банку с кисточками и промасленную тряпку.

– Благодарю Вас, я не голодна, – деликатно отказалась красавица, в очередной раз наградив художника улыбкой, от которой у него замерло сердце. Ну, хорошо, не только, и даже не в первую очередь из-за улыбки, но, как бы то ни было, в том числе.

– И всё-таки я настаиваю. Мне, право, неловко. Отужинайте со мной. Ведь там, в «Приюте художника», Вы даже не удосужились попробовать такого отменного вина. И, надо сказать, Вы многое потеряли, – с полушутливым сожалением вздохнул он.

– Ну, раз уж Вы так настаиваете... – дама игриво подняла руки, подобно солдату проигравшей армии, сдающемуся на милость победителя.

– Раздевайтесь, располагайтесь, я скоро приду, – пообещал он и, вынужденно предоставив гостью самой себе, наведаясь в свой скромный погребок. Встревоженные тараканы разбежались, прячась по щелям и трещинам, нехотя оставив свою братскую трапезу. Прилипшая немытым дном, бутылка портвейна оторвалась от полки не сразу. Часть еды прогнила. В остатках пищи копошились насекомые. Из чайника пахло застоявшейся тухлой водой. С края полки стекала какая-то жидкость. Она нестерпимо воняла. В углу каморки стояла гостевая кровать, простыни на которой не менялись уже больше месяца. На серой нестираной простыне виднелись засохшие следы крови, и владелец даже не помнил наверняка, откуда они там взялись.

Тем не менее, собрав всё то, что было не стыдно подать на стол, и наскоро протерев доньшко бутылки, живописец направился напрямик к гостье, но, не дойдя, застыл и дёрнулся, словно бы от разряда гальванического тока.

Портвейн разбился вдребезги, составив компанию следом упавшим тарелкам. Как оказалось, гостья приняла предложение раздеться предельно буквально, не ограничив себя манто и дамской шляпой с вуалью.

Забыв обо всём на свете, мужчина впился взглядом в её обнажившуюся натуру и, не в силах более себя сдерживать, сделал то, о чём мечтал с самого начала их встречи. А именно – сорвав полотно с холста, взял в руки краски и кисточку, начав уверенно накладывать мастерски отточенные плавные мазки.

Потеряв ощущение времени, он самозабвенно писал, выводя затейливые узоры вплоть до самого утра, пока крики первых петухов не вернули его к реальности. К этому времени работа уже была практически завершена.

– Уже готово? Мне уже можно посмотреть? – сохраняя неизменную на протяжении всей ночи позу, спросила незнакомка.

– Почти. Наберись терпения, осталось совсем немного, – заверил художник, нанося завершающие штрихи, и, глубоко вздохнув и протерев уставшие глаза, отложил на время кисточку. – Так понимаю: теперь вместо ужина придётся делать завтрак. Кстати, хотел подписать, но вспомнил, что не знаю, как тебя зовут.

– А как бы ты меня назвал? – кокетливо поинтересовалась натурщица.

– Ну... – окинув её взглядом в очередной раз, художник призадумался. – Ну, скажем, Аврора. «Утренняя заря».

Мужчина указал за окно, где, торжествуя над трупом старого дня, из рассеянного мрака восставал его молодой победитель.

– Аврора, – пробуя имя на слух, произнесла она. – Пусть будет Аврора. Мне кажется, мы оба сильно устали. Пора бы и отдохнуть...

...Счастливые не замечали часов, дней, недель, месяцев, и вскоре дождались начала нового года. Проводя вместе всё время, они понимали друг друга не то что с полуслова, но, казалось, буквально с полумысли. С утра и до вечера он писал её, а она позировала ему, прекрасная и загадочная, как в самый первый вечер их знакомства. Он почти ничего не знал о ней, за исключением тех разрозненных сведений, которые она сама порой сообщала, время от времени приоткрывая вуаль своей тайны. Но слабо верилось даже и в это. Тем не менее, он доверял ей и считал, что знает достаточно: она – это она, он – это он, их обоих связывает великая сила любви, и прочее есть не более чем излишняя шелуха.

Целиком и полностью поглощённый Авророй (настоящего имени которой он по-прежнему не знал, да, в общем-то, и не хотел знать), художник сделался ещё большим затворником, чем слыл до этого. Перестав посещать даже «Приют художника», он извинялся перед немногочисленными приятелями, объясняя, что теперь уже стал всецело занят семьёй и бытом. Этот период отличался наибольшей художественной плодотворностью, и круг постоянных нанимателей стал постепенно увеличиваться. Когда живописца спрашивали о том, что вдохнуло в него доселе невиданный энтузиазм, тот улыбался и отвечал полушутя, что никакого особого секрета тут нет – просто он недавно женился на собственной музе.

Одни считали его гением, заявляя, что ему простительны странности и причуды; другие принимали за ненормального, не стесняясь обзывать так публично; а третьи называли его любителем пускать пыль в глаза, создавшим себе специфический творческий образ. Как бы то ни было, когда он прогуливался с любимой, – люди оборачивались и начинали шептаться вслед. Мелочные, завистливые и склочные.

За годом следовал другой. Влюблённые не спешили узаконить свои отношения и вообще лишний раз не показывали носа из мастерской, трудясь с неугомонностью пчёл. Живописец не мог нарадоваться на свою ненаглядную избранницу, прекрасно понимая, что второй такой ненормальной, способной с таким пониманием разделять его надежды и чаяния, не может быть в природе. И казалось, что его радость уже не может быть большей, пока в их семье не появилось крошечное солнышко, малыш, которого отец любил подолгу раскачивать на руках и в люльке, а убаюкав – писать с натуры.

Но самый сладкий сон рано или поздно отступает под натиском кавалерии пробуждения. Не исключением был и этот.

– Нам нужно поговорить, – печальным тоном промолвила Аврора, кормя младенца грудью. – Ты – замечательный человек и подарил мне немало счастливых минут, но больше так быть не может. Я благодарна тебе, что ты подарил мне радость жизни во всей её светлой палитре, но я не могу, не имею права выстраивать собственную жизнь ценой твоей.

– О чём это ты? – не понимая, произнёс человек, сделавшийся за последнее время самым известным и востребованным художником в городе, даже несмотря на возникшую репутацию городского сумасшедшего. Кончив писать картину, он отложил кисти и подошёл к своей женщине.

– Ты, может быть, не замечал и не осознавал этого, но зато – осознали и заметили другие, – со вздохом продолжила она.

– Что «не замечал»? Чего «не осознавал»? Прошу, выражайся яснее, – попросил уже привыкший к её чудачествам художник.

– Дело в том, что меня нет. И никогда не было. Во всяком случае – физически, – всё так же печально и странно проговорила она, повергнув мужчину в полнейшее недоумение.

– У тебя что, температура? Как это вообще понимать? – шутка начинала переходить всякую черту, и представитель богемы начинал уже всерьёз беспокоиться о душевном благополучии Авроры.

– К сожалению, это не шутка, и я – не сошла с ума, – отвечая на его невысказанные мысли, вздохнула Аврора. – Да и как может сойти с ума та, которой нет? А теперь прошу меня,

выслушай серьёзно и не перебивай. У тебя никогда не было любимой по имени Аврора, и она никогда не рожала тебе сына. Я – всего лишь осколок твоей собственной психики, у которого получилось в какой-то момент принять оформленную визуализированную форму и обрести самосознание. У меня есть доступ к твоей памяти, ощущениям, чувствам. Я познаю мир через тебя. Чувствую вкус еды, которую ты ешь, и вина, которое ты пьёшь. Ароматы цветов, которые ты вдыхаешь. Чувствую твою радость и боль, удовольствие и страдание. Ты – видел и чувствовал лишь то, что хотела я, не видя и не чувствуя того, чего я не хотела. Я люблю тебя и дорожу тобой. И именно поэтому я должна тебя оставить и отпустить. Раствориться и навеки остаться частью тебя, чтобы ты был счастлив за нас обоих.

– Солнце моё, что за чушь ты несёшь? Как вообще этот бред возможно выслушивать всерьёз? – цепляясь за тростинку надежды, вопрошал художник.

– Увы. Я хотела бы быть иной – человеком из плоти и крови. Но я – всего лишь фантом, мираж, частица твоего собственного сознания. За всё время, что мы были вместе, я ни разу не подняла бокала вина, не откусила кусочка яблока, не прикоснулась к тебе... – с тоской и болью выдохнула она. Словно почуяв неладное, ребёнок заплакал, и женщина принялась с любовью и заботой его раскачивать, тихо произнося успокаивающие слова.

– Но погоди, а как же все те ночи, что мы провели вместе, те светлые дни, когда мы гуляли, взявшись за руки, плавали по озеру на лодке или вырезали на нашем дереве признания в любви? – держась за колотящееся сердце, отказывался соглашаться мужчина.

– Милый мой, всё это тебе всего лишь показалось. К сожалению. И хотя я очень, очень сильно люблю тебя, ты – моя жизнь, а я – часть тебя, подобно ребру... – казалось, она хочет выразить всю боль и любовь в одной фразе, но не знает, как верно её сформулировать. – Я мечтаю лишь об одном – чтобы ты был счастлив. Но я не могу тебе это дать. И поэтому должна уйти. Будь счастлив, любимый...

Приблизившись, она коснулась своими губами его губ и медленно, подобно тому, как утренний сумрак исчезает в лучах рассвета, растворилась в воздухе, как и задремавший в её руках ребёнок. Пребывая в таком потрясении, какое только возможно в подобных обстоятельствах, художник прошёлся по комнате, не замечая, как роняет, разливая, краски, опрокидывает холсты и стулья. Держась одной рукой за стену, вдоль которой были развешаны всевозможные картины с Авророй и ребёнком, запечатленными вместе и порознь, он прошёл в детскую и, глядя на пустую колыбель, тихо подошёл и принялся раскачивать её, заливаясь слезами.

Ну как же, как же их не было? Как могло их не быть? Ведь они играли, любили, дружили, оставив отпечаток в его сердце и душе. Как могло их не быть, когда он всё чувствовал и осознавал – даже не столько физически, сколько душой. И пусть они даже были нереальными для всех остальных – они были реальными для него.

Почему она не посчиталась с тем, чего желает и хочет он? Почему она не спросила, что нужно ему, решив всё за двоих? По какому праву она могла так поступить? Из эгоизма? Или всё-таки из любви?

Вернувшись, он сел у стены и, обхватив голову руками, рассмеялся в голос. Вскоре смех перешёл в крик, а затем – мужчина вскочил и, схватив с тумбочки банку скипидара, запустил ею в стену.

Пройдя по комнате, он просматривал картины – всё, что осталось и служило живым свидетельством того, что это не было лишь сном и фантазией, – и словно бы наблюдал со стороны всю историю их любви и совместной жизни. Вот первый портрет, где она стоит обнажённая, без пошлости и вульгарности, как некий светлый и добрый символ красоты и женственности; другой, где она сидит напротив него в лодке, посреди озера; и так далее, вплоть до той самой последней картины, где его любимая Аврора стоит такая родная и близкая с их малым ребёнком на руках. Губы пытаются изобразить улыбку, но во взгляде уже читается грусть. И всё-таки она была, она жила, есть и будет жить в его мыслях, воспоминаниях и сердце. Он помнил,

знал и любил её; и те чувства, которые он испытывал к ней, а она к нему, – были настоящими, даже если её саму не могли видеть другие люди. Во всяком случае – разве что на его картинах.

Взяв полотно в руки, он подавил в себе желание обнять его, прижав изо всех сил к груди, чтобы не смазать не успевшие высохнуть краски.

– И всё-таки, – печально вздохнув и отерев слёзы, улыбнулся художник. – У нас была самая лучшая на свете любовь. Даже если её и не было.

Ханойская башня

*Соединение швейной машинки и зонтика
на хирургическом столе – это известный,
и ставший уже классическим пример феномена, открытого
сюрреалистами: соединение двух внешне чуждых элементов
на плоскости, чуждой обоим, является одним из сильнейших средств,
чтобы высечь искру поэзии.
Макс Эрнст*

«Король умер! Да здравствует король!» – эта новость моментально облетела страну, повергнув население в шок. Что, в принципе, никого и не удивляло, ведь в здешних краях ещё с незапамятных времён никогда не существовало монархии.

Впрочем, как минимум, один гражданин в этот день не поддавался всеобщему настроению: как обычно, в это время Вальдемар спешил к ужину, и последние новости мало его интересовали. Тревогу вызывало в нём другое: он опаздывал, по меньшей мере, минут на десять. А родители бывали очень недовольны, когда Вальдемар приходил домой в позднее время. Впрочем, они в принципе были недовольны тем, что к ним домой приходил какой-то Вальдемар.

Перейдя мощённую чёрным камнем дорогу, он поднялся по ступеням и нажал на дверной звонок. Спустя непродолжительное время из-за двери послышались шаги. На пороге, в домашнем халате рабочей расцветки со служебным номером, показался кондуктор, пригласивший пройти внутрь и занять свободное место в пассажирском кресле возле камина. Поблагодарив его, Вальдемар передал служащему перчатки, трость и цилиндр, на дне которого находился проездной билет номер «1XV34II».

Затворив дверь, кондуктор взглянул напоследок в глазок и позвонил в дверь со своей стороны. Здание троллейбуса неторопливо совершало поворот на 180°, перемещаясь с площади Дали на проспект Магритта. Ненадолго притормозив, оно пропустило проезжавшую мимо просторную улицу с красными кирпичными домами, из выхлопных труб которых поднимался голодный обволакивающий дым. В дымчато-влажном небе над засыпающим городом пролетала разноцветная стая бумажных голубей.

Проводив их взглядом, Вальдемар вздохнул: своему сегодняшнему опозданию он был обязан солнечным часам, которые забыл перевести вчера.

Порой, глядя на небо, Вальдемар боялся, что в один прекрасный день он может оступить и упасть вверх, в эту бескрайнюю звёздную бездну, не успев ухватиться за какой-нибудь пролетающий мимо него балкон, громоотвод или, на худой конец, хотя бы флюгер. Для этого требуется самое малое – стоит лишь отпустить ногами землю. Наверное.

Взяв оставленную кем-то свежую вчерашнюю газету, мужчина решил скоротать время за разгадыванием очередного кроссворда: в конце концов, теперь оставалось только ждать...

Тем не менее, сушая безделица увлекла его внимание безраздельно: отгадав очередное слово по диагонали, Вальдемар вдруг вспомнил, что пропустил ужин, пока здание совершало уже не первый круг. Раздражённо разорвав и скомкав бумагу, он мстительно метнул её в пасть ненасытному пламени и, тотчас вскочив с места, принялся описывать по комнате круги, время от времени набирая обороты. В результате всех этих угрюмых, но бодрых хождений, следы от его обуви остались на стенах и потолке, к вящему недовольству кондуктора. Но торопиться было уже некуда, поэтому Вальдемар достал газету из пламени, потушил, раскомкал, склеил и положил на прежнее место.

Впрочем, во всём этом имелась и положительная сторона: во всяком случае, теперь-то он точно уже никуда не опаздывал. Перестав следить, Вальдемар собрал свои вещи и, тепло попрощавшись со служащим, вышел на проспект Магритта, посередине которого, неподалёку от ведущей в космос лестницы, возвышался величественный Памятник Человеку. Не то чтобы какому-то конкретному человеку, а так, памятник человеку вообще. Без какой-либо таблички, подписи или официального названия. Но зато поистине циклопических размеров.

На фоне Памятника Человеку располагались уже и другие фигуры, в разы уступавшие ему в своих габаритах, но не всегда – в популярности. В частности, одна из наиболее известных городских достопримечательностей: Памятник Голубю, нагадить на который хотя бы раз считал своим долгом практически каждый уважающий себя засранец.

Достав из внутреннего кармана фрака свою лакированную вишнёвую трубку с янтарным мундштуком, а из внешнего кармана брюк – чужой кисет с табаком, Вальдемар принялся хлопать по себе в поисках огнива, но, тотчас же вспомнив, что он никогда в жизни не курил, хлопнул себя по лбу (за которым огниво не наблюдалось также), убирая всё это по своим и чужим местам. А, Впрочем, возможно, это была даже и не трубка.

С тоской он взглянул на небо. Спустя мгновение – откуда-то с земли, со стороны видневшегося за городским пейзажем леса, туда запрыгнула яркая звезда. Согласно поверью, нужно было вспомнить какую-нибудь уже случившуюся неудачу, и тогда она обязательно уйдёт – но только в том случае, если об этом кому-нибудь рассказать.

«Не хочу опаздывать», – решил про себя Вальдемар и вскоре, вновь воспрянув духом, пошёл, наслаждаясь свежим вечерним воздухом. Одиноким громадным мотылёк игриво порхал в окружении десятков и сотен крошечных фонарей, тщетно пытавшихся привлечь его рассеянное внимание. Изящный труп испивал молодое игристое вино. Якорная рыба, удерживающая парящий в небе эсминец, плескалась в луже, окружённая безучастными холодными домами. Тихо, чтобы не потревожить безмятежный сон камней, по мостовой прошествовал пауконогий слон, несущий на своих плечах всю скорбь мира. Тающий в вечернем воздухе спортсмен, раскуривавший трубку во время поздней пробежки, состоял из порождаемого ею же зябкого дыма, отчего лицо бегуна временами приобретало нездоровый оттенок. Гнилоголовое дерево, раскинувшее широко свои руки-ветви, наблюдало за прохожими презрительно-надменными взглядами сотен заспанных глаз за сверкающими моноклями. В его дупле явно кто-то жил. Ненасытные танковые гусеницы подтачивали его корни в ожидании своего скорейшего окукливания, в то время как юные и грациозные танковые бабочки уже порхали в его валютно-зелёной листве. Произраставший из клумбы плющ раскинулся на многие километры линий электропередач, доходивших до самого говорящего леса, видневшегося за городской окраиной.

– Молодой человек не желает интересно провести время? – вынырнув из мрака, заигрывающе предложила ночная бабочка. – Такса – сто сюрсов...

– Сами спите со своими таксами, – брезгливо отмахнулся Вальдемар.

Звонко рассмеявшись, ночная бабочка замахала полупрозрачными крыльями и упорхнула прочь. Укоризненно поцокав языком, несостоявшийся клиент покачал головой, продолжив свою прерванную прогулку.

Огромная бородавчатая зелёная жаба, стоявшая возле офиса солидной компании, душила прилично одетого дельца, при этом деловито поквакивая. Тем не менее, делец не предпринимал попыток освобождения. Одиноким уличный художник изображал на своём холсте парящую птицу, время от времени бросая взгляды на яйцо, из которого ей ещё только предстояло вылупиться. «Вещь в себе», – бросив короткий взгляд на яйцо, заключил про себя Вальдемар. Опустив свой чешуйчатый хвост в колодец, запряжённый в колёсную лодку, конерыб в ожидании постукивал копытами по мостовой. На скамье, чуть поодаль, сидели двое мужчин, то и дело совершавших взмахи удочками, забрасывая лески повыше в небо. Поймав в нём

очередную рыбу, один из ловцов привычно взял её и, откусив ей хвост, зажал её меж зубов, после чего прикурил от тлеющего светлячка в ближайших к скамье кустах и, с наслаждением затянувшись, выпустил пару квадратов и треугольник сизого дыма. Мужчины носили изящные кружевные платья, и поскольку платья хорошо сидели на мужчинах, можно было сделать логичный вывод, что это, по всей видимости, мужские платья. Велосипедисты неистовой сворой неслись за собакой.

Остановившись на мгновение, Вальдемар взгляделся на лежавшую посреди дороги подкову. Она могла вполне пригодиться. Например, можно повесить её над дверью. Или, например, не вешать. Подняв подкову, чтобы ознакомиться с нею поближе и изучить со всех сторон, путник обнаружил с противоположной стороны подковы лошадь. Заключив, что подкова, по всей видимости, не сильно-то ему и нужна, он направился напрямик к телефонной будке. Но стоило зайти внутрь – как следом за ним втиснулся другой молодой человек приятной наружности: в самый раз перед закрытием дверей.

– Уфф, еле успел... – сняв цилиндр, мужчина протёр вспотевший лоб гербированным платком, после чего поинтересовался, протягивая руку к телефонному аппарату. – Который номер Ваш?

– Номер «10», – с благодарностью кивнул Вальдемар. Кивнув, незнакомец нажал кнопку «10», а следом – кнопку «Х», и в снятой трубке послышались гудки, а будка пришла в движение.

– Сложный день сегодня выдался, – поддерживая светскую беседу, поделился незнакомец.

– Да, я видел – Вас душила жаба, – припомнив, где видел человека немногим ранее, согласился его собеседник.

– Дела совсем плохи, – согласно кивнул тот. – Сегодня я думал, что стал круглым банкротом. Я обратился в ломбард, пока Авикдор Шелкопряд ещё не успел окуклиться. Решил взять ссуду. Но мне нечего было оставить ему под залог. Вернее, думал, что нечего, пока он не напомнил мне, что у меня – золотое сердце...

– Ах, вот оно что, – скорее из вежливости, с сочувствием произнёс Вальдемар. – И теперь – Вас терзает совесть?

– Нет, свою совесть я тоже взял в долю от сделки, – отмахнулся мужчина. – Впрочем, о чём это я? Так ведь даже невежливо: заставлять Вас переживать из-за своих проблем... Курите?

Достав из внутреннего кармана вишнёвую лакированную трубку с янтарным мундштуком, делец с ожиданием уставился на Вальдемара, полагая, что тот согласится составить ему компанию.

– К сожалению, нет. Давно уже собираюсь начать, но всё силы воли не хватает, – посетовал он.

– Ну-у... В таком случае – начинайте с малого и постепенно увеличивайте количество затяжек... – настоятельно посоветовал мужчина. Впрочем, ладно, тут ведь ещё и довольно тесно. И душно.

– Тогда – давайте просто так постоим, кусая трубки, – достав свою, предложил собеседнику Вальдемар. – Конечно, кусать нераскуренную трубку может показаться и глупым, но – ничуть не более, чем дымить из раскуренной... Вальдемар.

Мужчина протянул собеседнику руку для пожатия, предварительно сняв с неё лайковую гербированную перчатку.

– Вальдемар, – повторив процедуру, произнёс новый знакомец, пожав протянутую руку.

– Подумать только! У нас с вами одинаковые усы, цилиндры, имена, трубки и фраки. Выходит, что всё это время я разговаривал со своим отражением! Как странно, Вы не находите? – оживлённо воскликнул первый Вальдемар.

– Кхм... Действительно странно. И, главное, как неожиданно! Хотя, нет – главное, что этого никто, кроме нас, не видел: иначе могут решить, что я сошёл с ума, раз разговариваю с самим собой, – задумчиво поглаживая подбородок, сделал выводы второй.

– Но, минуточку... Означает ли это, что, в таком случае, теперь я тоже буду одним из должников Авикдора Шелкопряда? – несколько опечаленный тревожным открытием, осведомился первый.

– А, пустое, – отмахнулся второй. – Это – дело наживное. В крайнем случае, у Вас ещё по-прежнему есть светлая голова, золотые руки и многое другое. Но главное ведь не это: Вы смогли отыскать себя, а это в наше время удаётся далеко не каждому. Вообще в последнее время мне всё больше начинает казаться, что вся наша жизнь подобна этой тесной душной телефонной будке, в которой не каждому уготовано обрести себя или, по крайней мере, повстречать интересного собеседника.

– Наша жизнь подобна телефонной будке? – заинтригованно оживился первый. – Но почему?

– «Почему»? Да откуда я, чёрт Вас побери, знаю, «почему»? Что я Вам – философ что ли? – не без иронии ответил ему второй. – А вообще, как мне кажется, у нас есть две перспективы: мы либо одни во Вселенной, либо нет. И оба варианта одинаково меня пугают.

Повисло напряжённое молчание. Снаружи прошелестела стая бумажных голубей. Возможно, не было бы лишним в своё время выучить язык птиц, ведь куковать предстояло ещё долго.

– Скажите, а зачем вам потребовалось оставлять в ломбарде под залог своё золотое сердце? – желая поскорее избавиться от прилично терзавшей его любопытство мысли, всё-таки напомнил первый.

– Мне нужны были средства. Сегодня я пришёл на ярмарку друзей. Хотел найти себе одного. Мне хватало, но я попросил именно настоящего. Настоящие стоят дороже. Приходится отдавать под залог сердце, – пояснил ему второй. – И теперь я не нахожу ни минуты покоя: а вдруг его разобьют? Золото, конечно, хоть долговечнее льда и красивее гранита, но ведь это, по сути, довольно хрупкий металл...

Снаружи сверкнула ослепительная иссиня-белая молния, и на смену доносившемуся извне городскому шуму накатил раскат тишины. Следом – пошёл снег, напоминавший пепел от пожара.

– Это красиво. Значит – во всём этом есть какой-то высший смысл. Наверное. Ну, или нет, – раскуривая пустую трубку, произнёс первый, вглядываясь не в расположенный за стеклом пейзаж, но в само стекло. – Я слышал, сегодня начался траур по несуществовавшему монарху. Как это печально. Кого-то вообще нет, и никогда не было, но их любят, уважают, почитают. И даже не существуя – они приносят пользу, или, как минимум, оказывают влияние на умы, мотивируя и побуждая к действию, или, напротив, удерживая от него. А кто-то существует, но не нужен, действует, но не оказывает влияния.

– Ну-ну, – приободрил его второй. – Когда все дороги на развилке ведут не туда, куда следует, – не обязательно идти именно по этим дорогам. Я пою в составе кордехора – не могу же я петь в составе кордебалета.

– Во всяком случае, для меня мир в большей степени ассоциируется не с телефонной будкой, а с ханойской башней, в которой диски образов и идей перекладываются с одного изумрудного шпиля на другой, всё никак не дойдя до стадии единой законченной фиксированной формы, всё время пребывая на этапах неких промежуточных перестановок и переосмыслений... Впрочем, не спрашивайте меня «почему». Потому что я не знаю. Потому что я тоже не философ, – поделился первый, незадолго до того, как в будке настойчиво зазвенел телефонный звонок.

– Мне кажется, мы прибыли на место, – прокомментировал второй, снимая трубку и прикладывая один из её концов к своему уху, оставив другой для первого.

Большая история

*В наше время счастье для большинства
людей – это удовлетворение от того
что они получают больше, чем другие.*

Эрих Фромм

Кап. Кап. Кап. Кап. И так уже с тех пор, как БОЛЬШОЙ огонь загорелся сегодня на небе. Осторожно высунувшись из своей пещеры, Огма поводил пальцем в луже, размазывая грязь. Громкий раскат заставил его вздрогнуть и забиться поглубже в свою стоянку. Сердце бешено заколотилось, и Огма поднял взгляд наверх, туда, где совсем недавно по небу ползали БОЛЬШИЕ синие черви. Обычно они двигались так быстро, что их едва удавалось разглядеть. Огма – был сильный воин. Даже больше чем воин. Огма был вождём. Огма – никого не боялся. Почти никого, кроме Того-Кто-Смотрит-С-Неба.

Тот-Кто-Смотрит-С-Неба не боялся Огма. Иногда он издавал страшный грохот, как будто бил по земле громадной дубиной. Иногда он мочился над всем лесом, всем его обитателям прямо на голову. Когда он так делал, Огма прятался от него в свою пещеру и ждал там, пока Тот-Кто-Смотрит-С-Неба не уйдёт. Иногда Огма оставлял ему добычу, чтобы задобрить, и уходил, чтобы не мешать её съесть. Правда, иногда Тот брезговал подношениями, и их доедали жуки и стервятники.

Первое время Огма пытался бороться с ним – перекричать его небесный рык, но как ни пытался, не мог. Огма бил в землю копьём, размахивал дубиной, вызывая на бой, но Тот так и не являлся. Тогда Огма пытался застрелить его из лука или закидать камнями, грязью и палками, но стрелы и прочий хлам падали Огме на голову, не долетая до неба. Поняв, что не может его убить, Огма нехотя зауважал его.

Остальных же Огма не боялся. Он мог их убить.

Огма родился в племени. БОЛЬШОМ племени! Ведь действительно, зачем рождаться в маленькой семье, когда есть такой БОЛЬШОЙ род?

Огма вырос сильным. БОЛЬШИМ и сильным! И это было понятно – зачем же ему быть маленьким и слабым, когда таких тут только едят в голодную пору?

Его семейство обитало в пещере. БОЛЬШОЙ пещере! Огма понимал, что в маленькой пещере БОЛЬШОЕ племя, состоящее из его БОЛЬШИХ сородичей, просто бы не поместилось.

Однажды Огма пошёл на охоту вместе со своими друзьями. БОЛЬШИМИ друзьями! Зачем дружить слабо, когда можно дружить сильно? Они ходили по лесу, выискивая БОЛЬШОГО зверя для посвящения в мужчины. Ведь действительно, зачем искать маленького зверя, когда можно победить БОЛЬШОГО?

Одолев маленького зверя, можно быть посвящённым только в маленькие мужчины, а Огма и его друзья хотели стать БОЛЬШИМИ мужчинами.

Вообще Огма был путешественником. БОЛЬШИМ путешественником! Зачем ходить только вблизи жилища, когда можно пройти намного дальше? Да, Огма обошёл целый мир. БОЛЬШОЙ мир! Весь – от своей родной пещеры до кишашего противными комарами болота на другом конце леса. Дальше всё равно не могло быть ничего, достойного внимания.

И вот когда Огма и его БОЛЬШИЕ друзья выслеживали БОЛЬШОГО зверя, Паг предложил залезть на дерево и кинуть на БОЛЬШОГО зверя БОЛЬШИЕ камни. Ведь только БОЛЬШИМИ камнями можно было одолеть БОЛЬШОГО зверя, в то время как маленькие камни были способны лишь разозлить его.

Такая гениальная мысль до тех пор не посещала ни одну умную голову соплеменников, поэтому Паг был назван мудрецом. БОЛЬШИМ мудрецом, чего уж мелочиться-то.

Но, как ни прискорбно, при появлении зверя, Паг оказался трусом. БОЛЬШИМ трусом. Он перепугался, упал с дерева и свернул себе шею. Зато его совет с камнями помог. Поэтому, убив зверя, братья похоронили его с почестями. БОЛЬШИМИ почестями, потому что хоронить БОЛЬШОГО мудреца с маленькими почестями – неинтересно.

После этого охотники начали спорить, кому достанется шкура БОЛЬШОГО зверя. БОЛЬШАЯ шкура!

Каждый, как ни странно, полагал, что шкура должна достаться именно ему. И тогда они поссорились. И стали врагами. БОЛЬШИМИ врагами, потому что мелких ссор в таких делах не бывает.

Воины начали сражаться между собой, но Огма оказался сволочью. БОЛЬШОЙ сволочью, потому что иначе он бы не выжил. Нельзя сражаться со зверем по его правилам – иначе ты проиграешь. Ты должен сражаться по своим. Если ты слабее – бери хитростью.

Пока братья сражались между собой, Огма ушёл, показав, что не хочет претендовать на шкуру, а сам в это время залез на дерево, дождался, пока останется только один уставший охотник, а затем кинул в него камнем. БОЛЬШИМ камнем...

Разумеется, вернувшись обратно в племя, Огма описал всё по-своему, сильно приукрасив, как настоящее трепло. БОЛЬШОЕ трепло – потому как к чему стесняться, когда свидетелей в живых всё равно не осталось?

Так Огма стал вождём – БОЛЬШИМ вождём БОЛЬШОГО племени, правившего всем миром – от самой пещеры до кишашего противными комарами болота. Огма завёл себе жён. БОЛЬШИХ жён, потому что они должны были выносить ему сильных и здоровых детей. БОЛЬШИХ детей...

Огма носил шкуру БОЛЬШОГО зверя. Он был самым сильным. Он никого не боялся. За исключением Того-Кто-Всё-Видит. А сегодня, с того момента, как на небе зажгётся огонь, Тот-Кто-Всё-Видит опять мочился на голову всему лесному зверью, и Огма сидел в пещере. Нехорошо. Когда-нибудь Огма найдёт утёс. БОЛЬШОЙ утёс, потому что с маленького утёса ему не добраться до неба. И уж тогда-то Огма возьмёт с собой БОЛЬШОЙ камень и...

Раскат грома заставил Огму поёжиться и укрыться в пещере поглубже. Нет, всё-таки если его затеет и суждено исполниться, то явно не сегодня.

Кап. Кап. Кап. Кап... Кап... Кап... Кап...

Огма набрался смелости и выглянул из пещеры. Воздух был чистым и вкусным для ноздрей. Но вокруг было мокро и холодно. Почесав шкуру и съев блоху, Огма вышел наружу. Тот-Кто-Всё-Видит, наверное, ушёл. Да, раньше было спокойнее, а теперь он мочится на головы всё чаще и чаще... Ууургх! Это надо было прекратить. Но для начала надо было поесть. А это значит, что снова нужно идти на охоту. БОЛЬШУЮ охоту, потому что на маленькой охоте еды на целое племя не напасёшься...

Огма чуял запахи, видел примятые травы. Огма не был наивным. Он всегда шёл подготовленным. На рыб к ручью он ходил с острой. На птиц брал лук и кожух со стрелами. А на обычного зверя ему хватало и болы с дубиной. БОЛЬШОЮ дубиной, а то вдруг зверь окажется крупнее или проворнее, чем ожидалось, и не умрёт от первого удара по голове, а только немного обидится. Настоящий мужчина должен всюду ходить с БОЛЬШОЙ дубиной. Есть с дубиной, спать с дубиной, спать с женой с дубиной. Потому что мужчина без дубины – это то же самое, что мужчина с дубиной – только без дубины... Если дубина – маленькая, то мужчина – не настоящий.

Хоп! Ещё подходя, Огма чувствовал какой-то непонятный запах, а теперь что-то свалилось сверху! Засуетившись, Огма начал мотаться, но было не развернуться. Со всех сторон он упирался во что-то, напоминавшее камышовые прутья, только гораздо твёрже... Это напоминало очень маленькую пещеру, с деревянными стенами. Внезапно из-за кустов появились ноги. Ноги кого-то ОЧЕНЬ БОЛЬШОГО. Ноги подошли и сверху пророкотал голос врага:

– Ну что, попался, мелкий гадёныш? Это ж надо, сволота болотная, сожрали мою собаку и даже шкуры на месте не оставили. А ведь я ж его ещё щенком обучал... Ну, ничего, и я в долгу не останусь. Вот продам тебя Живоде́ру, пускай жопыты свои на тебе ставит.

Разумеется, Огма не уразумел ни единого слова. Но, как ни странно, отсутствие элементарных лингвистических познаний не помешало ему сделать для себя, в общем, правильные выводы. А именно – у него были проблемы. БОЛЬШИЕ проблемы...

Жертва абдукции

*Море слов сокровенного смысла полно,
Этот смысл я читать научился давно. Но когда помышляю
о тайнах Вселенной, Понимаю, что мне их прочесть не дано.
Авиценна*

Этот поздний вечер выдался на редкость безоблачным. Троица кремово-красных спутников, бросая безразличные взгляды своими холодными пустующими кратерами, озаряла дорожный простор отражённым светом бинарной звезды.

Пронзительный рёв видавшего виды пескохода нарушил чарующую ночную симфонию, спугнув редких, затаившихся в это время в кустах полуночных обитателей. Жизнь в столь позднее время суток для многих только лишь начинала бить ключом.

Оставляя за собой пылевые бури и щедро разбрызгивая во все стороны дорожную грязь, автомобиль миновал последний поворот, выехав на освещённую лунами трассу. Не отвлекаясь от управления машиной, Микай усилил громкость передатчика и, бросив очередной взгляд в зеркало заднего вида, подмигнул себе верхним глазом.

– Krii taa bu palla, krii taa vu palla, krii en tu di ramoto – krii taa bu palla, – затейливо вещал передатчик. Бешеная скорость, пустующая трасса, весёлая мелодия – всё это лишь дополняло общую картину счастья Микая Аренали в последний день его холостяцкой жизни.

Он ухаживал за Тиррой полтора года: первое время она была для него неприступна (как, впрочем, и для всех остальных претендентов на щупальце и сердца красавицы), но Микай взял её настойчивостью и напором, продолжая ухаживать даже тогда, когда другие бы на его месте давно развернулись и плюнули. Он ухаживал за ней честно, внимательно, деликатно, не поливая соперников грязью и не пытаясь торопить события. Пожалуй, именно сочетание этих качеств и покорило её.

Аренали не испытывал никаких иллюзий: Тирра не любила его сама. Но, тем не менее, позволяла любить себя, а это – даже больше, чем бывает у некоторых пар. А впрочем, любовь и влюблённость – вещи разные. За короткий срок, не зная кого-то близко, можно только влюбиться. По-настоящему любят всё-таки за качества и поступки.

Если, конечно, хватает ума их заметить и оценить. А если нет – то не к чему и связывать жизнь с такой неблагодарной дурой. Ну, или – с таким неблагодарным дураком. Это уж кому как повезёт.

– Krii taa bu palla, krii taa vu palla, krii en dinaro dbano – krii taa bu palla... – звонко и сладкоголосо пропел передатчик, после чего, сильно зафонив, начал плевать отдельными фразами, еле доступными через заглушающее шипение.

«Ну вот, снова сигнал пропадает. Похоже, всё-таки будет буря. Вот и верь после этого прогнозам», – отметил про себя Аренали, спустив гермоштитки. Повинуясь нажатию сенсорной кнопки дисплея, неторопливо выехавшие укрепления заслонили собою окна, скрыв от непосредственного обзора виды окружавшего пустыря.

Теперь пескоход превратился из мобильного транспортного средства в стационарную герметичную базу, способную переждать кризисный момент. Это означало вынужденную задержку. Но даже маленькая неприятность не была способна испортить настроение Микая в такой вечер.

Единственным источником связи с внешним миром и средством наблюдения за окружающей средой стал бортовой компьютер, способный не только воспринимать сигналы внешних сенсоров пескохода, но, в случае необходимости, получать и отправлять сведения на суборби-

тальный спутник частной компании, некогда предоставившей отцу Аренали в рассрочку эту колымагу.

Откинувшись в кресле, Микай запустил бортовой стереомонитор и, отворив бардачок, пошарил внутри. Фонарик, средства контрацепции, какие-то ключи, фотография младшего брата с его друзьями и девушкой, отцовский талисман на удачу, мамина записная книжка, какой-то непереработанный мусор, пустые неутилизированные банки, вообще непонятно что...

...О! Вот! Нашёл!

Выудив щупальцем запасённую настойку колючника, Микай лёгким жестом отворил её и, смакуя, опустил в неё межпальцевый хоботок. С одной стороны, распитие за штурвалом, мягко выражаясь, не особо приветствовалось местными силами правопорядка: система бортонавигации новейшего образца – так вообще запросто могла и отрубиться, если обнаруживала за рулём водителя, пребывающего в нетрезвом состоянии.

С другой стороны – откуда здесь взяться системе навигации новейшего образца, когда даже нормальным поисковым радаром обзавестись не удосужились? Да и что, в конце концов, может случиться от одной невинной баночки, тем более – во время стоянки? С этого и ребёнок не опьянеет, а пока буря начнётся, продержится и уйдёт – можно успеть хоть ящик таких вылакать. Всё равно – всё выветрится.

«Пропустим одну – и всё», – осушив с этими мыслями банку ртутно-аммиачного раствора, Микай небрежно закинул её в утилизатор, принявшись шуршать в бардачке в поисках второй. Но, не обнаружив таковой, грязно выругался, помянув отца-алкоголика, брата-раздолбая и всю его развесёлую компанию.

Поворчав ещё немного, Аренали переключил внимание на монитор. Как ни странно, по всем признакам намечавшаяся было буря что-то не спешила. Нет, конечно же, пескоход был далеко не новым, ему не хватало множества полезных и распространённых функций, но, тем не менее, обычно он работал вполне исправно. И уж точно не стал бы сбоить просто так на пустом месте.

Показатели датчиков неожиданно ожили, начав ощутимо зашкаливать. И это притом, что бури по-прежнему не наблюдалось. Настороженно поёрзав, Микай склонился над приборной панелью, не зная, что и думать. По экрану, мельтеша, одна за другой, множась, пробежали помехи. Шипенье, треск, сигнальные гудки и странные шумы неблагозвучной симфонией исторглись из аппаратуры за миг до того, как на мониторе возникло нечто различимое на фоне окутанного звёздами неба.

Поначалу оно было похоже на падающую звезду, но в скором времени «звезда» изменила направление падения и, поменяв с удивительной скоростью свою траекторию, устремилось навстречу.

По мере приближения неизвестного объекта аппаратура продолжала трещать, датчики – зашкаливать, а очертания предмета всё менее походили на небесное тело или знакомые виды транспорта.

В следующий миг, издав предсмертные пiski, – оборудование сдохло. Помещение пескохода, отрезанное от внешнего мира, погрузилось во тьму.

«Всего одна баночка. Это ведь была лишь одна баночка! Ну, не может же всего этого быть из-за какой-то там единственной пропущенной порции», – утешая себя, изумился Микай, взволнованно осматриваясь в непроглядной темноте.

Совсем недавно, только погружаясь в пескоход, он пребывал в твёрдой уверенности, что находится там один, но теперь на расстоянии вытянутого щупальца ему виделось, как в кабине машины, где-то рядом, а быть может, прямо за спиной, затаилось какое-то непостижимое *нечто*. Что-то неизведанное, таинственное и вместе с тем очень жуткое.

Пар сизыми струями принялся исходить из центра макушки, говоря о сильнейшем внутреннем переживании. Микай судорожно касался кнопок, дёргал тумблеры, давил на рычаги, пытался оживить панель...

...Но всё было без толку.

«Кто здесь? Что происходит? А может быть, просто показалось? Может быть, стоит закрыть глаза – и всё это просто исчезнет? У меня завтра свадьба. Вернее, уже практически сегодня. Я хочу жить. Я очень хочу жить. Пусть *оно* уйдёт. Пусть *оно* оставит меня. Я хочу домой. Я хочу к семье. Мне страшно. Мне очень страшно. Мне никогда в жизни не было так страшно. Я не понимаю, что происходит. Почему техника отказала? Что вообще творится? – судорожно размышлял про себя Аренали. – Так, Микай, соберись! Мужик ты, в конце концов, или нет?! Так, фонарик! Точно! Как я мог про него забыть! Всё от ужаса вылетело...».

В очередной раз пошарив в бардачке, Микай с радостным облегчением извлёк на свет фонарь, но вместе с тем не спешил пускать его в ход.

Его пугало то, что может скрывать в себе тьма.

Но наконец, приложив волевое усилие, мужчина нажал на кнопку. Непривычно яркий луч, от света которого глаза уже даже успели отвыкнуть, осветил приборную панель.

Осторожно Микай поводил светом фонаря вокруг. Ничего особенного – всё то же, и всё там же, где и было обычно.

«Дурак. Это ж надо так себя накручивать. Но, с другой стороны, – что же на самом деле случилось? Почему вдруг всё оборудование вышло из строя? Ведь бури же нет! Я люблю Тирру. Я хочу к Тирре. Я хочу жить. Мне нужно быть живым, чтобы жениться на Тирре. Мёртвый я не смогу этого сделать... – нервно оттерев выступившую на лбу слезу, Микай выпустил пар. – Вот ведь лезет в голову всякий бред...».

Додумать мужчина не успел, потому что в этот самый миг его тело парализовало: щупальце безвольно упало, выронив бесполезный фонарь, который, закатившись под сиденье, продолжил освещать салон пескохода. Слабое свечение порождало игру теней, лишь усиливая и без того нагнетавшийся ужас. Микай просто ощущал, что рядом с ним, здесь и сейчас, присутствует *кто-то* или *что-то*, недоступное ни технике, ни обычному зрению.

Первый приступ паники начался в тот миг, когда Аренали ощутил, что утратил контроль над собственными членами. Он по-прежнему ощущал свои конечности, но – был не в силах ими пошевелить.

Собрав волю в щупальце, мужчина мысленно напрягся, пытаясь сдвинуться с места. И, надо сказать, в какой-то мере ему это удалось – по его телу действительно, в какой-то миг, прошла судорога. Но добиться чего-либо более приемлемого – у него так и не вышло. К этому моменту уже подкатила и вторая волна паники, когда Микай ощутил свою беспомощность при полном непонимании ситуации.

Яркий, но холодный потусторонний луч упал откуда-то сверху, заполнив собою всё пространство пескохода, и Аренали почувствовал, сколь ничтожным сделался его вес. Тело, оторвавшись от кресла, медленно и плавно начало подниматься вверх по лучу.

Ожидая удар о потолок пескохода, Микай с удивлением обнаружил, что полёт продолжается, в оцепенении наблюдая, как его голова проходит сквозь запечатанную герметичным покрытием крышу салона. Следом – поднялось и всё тело, и вот уже вскоре целый пескоход оказался где-то внизу.

Микай поднимался ввысь над трассой, ввысь над пустырём, ввысь над колючниками и оврагами. Его взгляду стали доступны широкие просторы, озарённые небесным сиянием. Ему было страшно. Очень.

Неопознанный летающий объект, по габаритам и форме напоминавший своего рода громадный утюг, стремительно и верно затягивал его своим лазурным лучом.

В памяти пронеслись все многочисленные невнятные байки и рассказы, то и дело звучавшие в вечерних новостях, либо становившиеся предметом очередного трэш-фантастического кино: инопланетные цивилизации, в далёкой древности посещавшие Цению, оказывавшие влияние на становление нынешних культур, понастроившие свои исследовательские базы, ныне воспринимаемые в качестве памятников древней архитектуры, оставившие на память различные непонятые артефакты...

А ещё эти постоянные странные символы на почве, истории про похищенных... В первую очередь, конечно же, Микаю в этот момент приходил на ум его отец: пьяница-неврастеник, твердивший на каждом углу о том, как в молодости высокие инопланетяне с мохнатыми головами похитили его, подвергнув своим чудовищным опытам.

Разумеется, собственным детям Аренали-старшего доставалось не раз – как в школе, так и в зрелые годы. Поскольку сыновьям «того самого сумасшедшего алкаша с инопланетным зондом в заднице» жилось в провинциальном городке совсем непросто.

Ранее Микай долгое время ненавидел отца, не будучи в силах простить ему ни пьянства, после которого тот распускал руки-щупальца или развязывал язык, ни бакс, которые он тратил на каждом углу, позоря при этом семью. Но теперь – Микаю было одновременно страшно и стыдно. Страшно – за себя, и стыдно – потому что теперь он верил. Верил, что все эти истории, рассказанные подвыпившим отцом, – вовсе не блажь сумасшедшего.

Даже нет, не так. Вера – подразумевает непоколебимую убеждённость в чём-либо при отсутствии бесспорных доказательств, в то время как теперь он просто был поставлен перед фактом: инопланетяне (как вариант – пришельцы из иного измерения, бесы, демоны, или кто там они все на самом деле) – действительно существуют.

Они действительно прилетают, действительно крадут беспечных граждан и ставят над ними свои чудовищные опыты, засовывая свои зонды им в... Даже страшно представить куда...

Оказывается, это была правда. Раньше – ещё можно было верить или нет, но всё-таки факты – вещь упрямая. У отца просто не хватило силы духа. И немудрено – его не поддержал никто, даже родные и близкие...

Боже, как же всё-таки страшно. Как хочется жить. Как хочется остаться живым, здоровым и оказаться где-нибудь как можно подальше отсюда.

Микай взглянул вдаль, где за трассой красовались огни города, находившегося так близко, но так далеко. Где-то там его ожидала Тирра...

Лазурное сияние заволокло всё вокруг, полностью поглотив Микая...

– Скальпель!

– Скальпель...

– Зажим!

– Зажим...

– Тампон!

– Тампон...

– Теперь осторожнее, сделайте надрезы вот здесь и здесь. Молодец, Кацумото. А вы, Уоллес, – смотрите и учитесь. И вообще, не стойте же здесь как истукан – поддержите тут. Кацумото, посветите...

– Смотрите, кажется, он уже начал приходить в себя...

Медленно пелена начала сходить с множества разноцветных глаз Микая: поначалу поморщившись от яркого света, вскоре он начал различать очертания и фигуры. Первое время Аренали не соображал, где именно он находится и что происходит; но вскоре недавно пережитый ужас очнулся в памяти, а открывшийся вид лишь дополнил картину.

Тело Микая, зафиксированное и даже частично вскрытое, находилось посередине широкого серебристого и очень холодного операционного стола, в то время как странный массивный прожектор продолжал подсвечивать его обнажённые внутренности лазурным светом. Казалось,

этот свет был наделён тяжестью. И, как ни странно, облучённый им ценианец, несмотря на всё это, по-прежнему был жив.

Какие-то металлические щупы, выступающие из-под краёв операционного стола, подобно паучьим ножкам, удерживали края его плоти, в то время как трое загадочных и жутких существ неценианского вида склонились над ним. Все трое были в очень странной одежде – каких-то причудливых, с гермошлемами, зеленоватых комбинезонах, внешне ничем не отличавшихся один от другого.

Однако различия существовали между самими владельцами комбинезонов. Кожа на лице одного из них была тёмного цвета, у второго были узкие глаза и более полноватое лицо и фигура, а третий на их фоне казался каким-то особенно бледным. При этом у всех троих чудовищ над глазами имелась шерсть, а у третьего она была и вокруг розового рта.

– Уоллес, введите дополнительную дозу обезболивающего, – не отрывая взгляда от Микая, жуткое существо с наиболее светлой кожей поводило перед глазами ценианца продолговатым серебристым предметом, внешне напоминающим какой-то причудливый фонарик. – Взгляд осмысленный. Наркоз переносит нормально.

Микай не понял ни единого слова из сказанного, да и непривычные звуки в большей степени напоминали какой-то странный шум, нежели осмысленную речь.

Существо с тёмной кожей ненадолго удалилось от операционного стола, но вскоре появилось вновь, удерживая в руке серебристый предмет, напоминающий инъекционный пистолет. Не в силах озвучить внутренний крик, Аренали продолжал беспомощно следить за происходящим.

Осторожно, будто бы опасаясь укуса, темнокожий склонился над Микаем, словно над диким животным, протянув к нему свой пыточный инструмент.

– Ну же, Уоллес, смелее. Это всего лишь укол обезболивающего. В самом деле, я же не заставляю вас самостоятельно проводить надрезы и пересадку ганглия, – снова подало голос существо с бледной кожей.

– Мне просто это всё в новинку, Док. Теорию я, конечно, изучал, практиковался на виртуальных моделях, и много раз, но тут... – запинаясь, промолвил темнокожий.

– Уоллес! – повысил голос светлый пришелец.

Зафиксировав одно из многочисленных щупалец Микая своим непривычным отростком, инопланетянин резко произвёл укол, впрыснув какую-то дрянь.

«Гады! Сволочи! Твари! Уроды!» – со злостью и ужасом всматриваясь в отвратительные хари инопланетных чудовищ, подумал про себя Аренали.

– Хорошо... Кацумото – введите объекту новую партию нанозондов и приступайте к процессу сканирования. Я уже передал информацию с прошлой матрицы в штаб, ребята сейчас изучают, – удовлетворённо кивнув, бледный поднёс к Микаю какую-то белую трубку. – Группа Аддерли, как обычно, удружила, нечего сказать. Столько возни теперь по наши души.

Секундная вспышка, синий луч, лёгкий надрез, устройство, достающее, к немалому удивлению Микая, какую-то инородную фигню из его тела...

...Следом – водрузили уже другую.

«Боже, за что?! Где я?! Что со мной?! Это сон?! Это какой-то кошмар?! Мне всё это снится?! – судорожно мечась, мысли сбивали друг друга, оккупировав сознание. – Я где... Я что... В аду? Или где?! Или как?! Что это за твари?! Что за чудовища?! Хочу домой. Прочь отсюда. Домой! Это всё настойка на колючках. Больше никогда не буду пить. Честно. Сейчас закрою глаза – и всё это исчезнет. Ну, пожалуйста! Лишь бы уйти отсюда навсегда! И никогда не возвращаться!».

– Ладно, Кацумото, зашивайте, – кивнул бледный вожак, после чего узкоглазый толстяк приблизился, посветив над Микаем каким-то согревающим фонариком, в свете которого словно бы виднелись целые скопления атомарных существ.

Раны рубцевались, затягиваясь плёнкой буквально на глазах, и менее чем за минуту уже ничего не говорило о том, что недавно над ценианцем проводилась сложнейшая хирургическая операция.

– Запись номер «одна тысяча восемьсот тридцать восьмая», – обернувшись к каким-то настенным экранам, промолвил бледный. – Первый день эксперимента номер «девять тысяч двенадцать дельта тау тау». Экспедиционный Корпус Института Объединённых Планетарных Исследований, экспедиция доктора ксенобиологических наук кафедры альтернативной биохимии Института Объединённых Планетарных Исследований, профессора Константина Леонова. Рассмотренный нами образец под кодовым названием «три дельта три» обладает всеми искусственно привитыми на стадиях предшествующих поколений признаками...

Пришелец продолжал извергать в пространство непонятные странные звуки, в то время как Микай осторожно принялся осматриваться. Помещение операционной было светлым, просторным, изобиловало какой-то техникой непонятного предназначения. На одной стене находилось огромное количество мерцающих экранов, в подавляющей массе демонстрировавших соплеменников Микая, по всей видимости погружённых в состояние искусственного сна. Другие экраны транслировали разнообразные, но вполне узнаваемые виды животных и растений, населявших Цению. Третьи отображали какие-то помещения, приборы, устройства...

Но один из великого множества экранов, открывавший панораму над знакомым пескоходом, вскоре привлёк особое внимание ценианца.

Поначалу неторопливо – изображение начало меняться: и вот, уже в следующие несколько мгновений, экран заполнила Цения. Вид родного мира с борта инопланетного корабля одновременно вызывал восторг и, в большей степени, навевал страх и тоску.

Инопланетный летательный аппарат начал плавно переходить на вторую космическую скорость, в то время как родная планета, к пушечному ужасу Микая, стремительно отдалялась, становясь всё меньше и меньше.

И в какой-то миг она сделалась похожей на лицо опечаленной матери, надолго прощавшейся с сыном...

– Krii taa bu palla, krii taa vu palla, krii en tu di ramoto – krii taa bu palla, – сквозь пелену головной боли пробилась знакомая мелодия. Казалось, минули века с той поры, как она прозвучала в последний раз.

Разомкнув веки, Микай Аренали проморгался, восстанавливая ясность взгляда. Так, он по-прежнему находится в собственном пескоходе. Играет музыка. Он на пустыре. Всё тихо и спокойно.

Значит ли это, что всё случившееся лишь ему померещилось? Конечно же, дурной сон. Просто – дурной сон. Не более. Выпил, переживал песчаную бурю, сморил сон, вот и привиделась всякая чушь на нетрезвую голову.

Хотя – да ладно там, от одной баночки-то...

Впрочем, голова и в самом деле болела, как минимум, так, как если бы по ней нанесли удар чугунным ломом. Не может же, в самом деле, от настойки колючника так разболеться голова...

Ой, б...!

...Стоп! Свадьба! Который час?! Кошмар!!!

Ключ на старт! Проклятье, уже светло и разгар дня! Вперёд – по газам! Знакомая дорога проносится быстро, грязь и пыль окружают уносящийся вдаль пескоход. Быстрее, быстрее, быстрее! Только бы не опоздать! Но что-то явно было не так. Наверное, Микай ещё не отошёл от странного наваждения. Но, возможно, дело не в этом.

Какие-то странные рекламные щиты вдоль трассы. Это когда ж, интересно, успели?

Какая-то стройка. Новые купольные дома. Интересно. А это ещё что за сооружение? Какой-то комплекс? Ничего не понятно...

Что за? Что это вообще за...

Пескоход неизвестной модели и непривычного дизайна пронёсся навстречу и даже вежливо уступил дорогу колымаге, мигнув фарами. Никогда раньше такого не видел. Откуда он? Что за иномарка?

Трасса вроде бы была знакомой, но город казался намного шире, чем раньше. Раньше – ничего подобного здесь не стояло. Был чистый и голый пустырь, только планировали понастроить всякое подобное. А теперь...

Совершенно неясно. Что это – какой-то розыгрыш? Этот странный летающий утюг, эти странные сооружения? Хотя, кому это всё, спрашивается, к чёрту нужно: наверное, для подобного требуются весьма немалые деньги, а знакомых эксцентричных миллионеров на примете не имелось.

Странно. Очень странно.

Так. Летающий утюг. Паралич. Притягивающий луч. А что было дальше? Что было дальше? Пустота. Память – словно бы отрезало.

Думай, думай, думай...

Ничего. Вообще.

...Ладно, чёрт с ним. Разберёмся потом. Главное – не опоздать на свадьбу. К слову, который сейчас час? Нужно бы разобраться точно.

...Какие-то смутные обрывочные образы, один за другим, всплывали на поверхность из недр сознания – но они не спешили выстраиваться в целостную и ясную картину...

Пескоход резко притормозил, едва не слетев с трассы.

Что?! Что за бред?! Да быть этого не может?! Какой сейчас год?! Какой месяц?! Во время бури оборудование вышло из строя?! Или у них там, на спутнике, что-то опять барахлит...

Нужно будет обязательно обратиться в службу поддержки.

Преодолевая нахлынувшее на него тревожное волнение, Микай Аренали медленно поднял напряжённый взгляд. Уставившись на зеркало заднего вида, он внутренне ожидал увидеть там что угодно: некое отвратительное подобие знакомого лица, глаза чудовища или старика. Но – нет, сегодня он выглядел почти так же, как и вчера: разве что только, пожалуй, стал несколько взвинченным, измождённым.

«Микай, успокойся! Ради всего святого! Кажется, ты – просто начинаешь сходить с ума, – как ни странно – весело и даже несколько успокаивающе отметил про себя ценианец, продолжая анализировать ситуацию и строить возможные версии. – Значит, всё-таки сбой оборудования. Или ты сам вчера влез в бортовой компьютер и напорточил. Что вообще вчера было? Ты ведь ничего не помнишь. Даже автонавигация – и та отказала. Что ты вообще вчера натворил? Ведь ты выпил-то всего ничего. Или это тоже только так показалось? Ведь ты не помнишь, мог и ошибиться. Ты бредишь. Всё, успокойся, пришёл в себя – надо ехать дальше. Зажигание. Газуем. Всё, пошли. А что ты там, спрашивается, ожидал увидеть, в этом своём зеркале? Ты что, правда, решил, что тебя похитили и увезли инопланетяне? Забрали с собой на свою Землю или...»

Микай одёрнул себя. «Земля». Незнакомое слово. Непонятный, бессмысленный набор букв, неожиданно отозвавшийся в сознании. Это что, отголоски памяти или бурно разыгравшееся воображение?

«Всё. Завязывай. Скоро ты женишься – и вот тогда перестанешь забивать себе голову всяческой ерундой. Пора бы уже остепениться. Но, всё-таки, было это или не было? Что угодно думай, как угодно убеждай – но хоть себе-то врать не надо. Так было всё-таки или нет? Наверное, просто померещилось. Кругом об этом все говорят. Отец об этом всё время говорит. А я с детства был восприимчивым. Фантазия разыгралась. Бессознательное – финт выдало. Я читал, что такое иногда бывает. Эзотерики ходят на всякие там сеансы регрессивного гипноза, якобы способствующие личностному росту. Дескать, это поможет увидеть себя в про-

шлой жизни; и прочую такую чушь. А на самом деле – видят то, что сами себе нафантазировали. И воспринимают сознанием и цвета, и вкусы, и запахи. Вот так же и ты – просто очень впечатлительный. И тоже всё это выдумал. Нафантазировал», – удерживая штурвал пескохода, продолжал размышлять про себя Микай.

Попытавшись отвлечься, он нажал на одну из кнопок вещателя, ожидая услышать какую-нибудь новую музыку или передачу.

– А вы тоже иногда замечали, насколько коварны страшные бабы? Они только и ждут, когда вы напьетесь, чтобы с вами проснуться! – задорным тоном возвестил неизвестный диктор, после чего прозвучал записанный гул довольных слушателей. – Спор с женой лишён всякого смысла, потому что в подавляющем большинстве случаев – она окажется права, и лишь изредка – ты будешь во всём виноват! И всё потому, что ей неведомы три простые истины, на которых построено женское счастье. Что за «три простые истины», спросите вы? Во-первых, женщина никогда не должна говорить своему мужчине того, что сказала ей её мать. Во-вторых, женщина никогда не должна говорить своей матери то, что сказал ей её муж. И, в-третьих, женщина никогда и никому не должна рассказывать о том, что происходит в её семье.

«Это ещё что за парень? Что за отстой он несёт? Как это вообще могут слушать? Что, кого-то нового взяли? Переключить это немедленно, – сменив волну в очередной раз, возмущился Микай. – Ну а всё-таки, ты ведь не исключаяешь, что это возможно. Что тебя – на самом деле похитили, продержали в плену и ставили на тебе изуверские опыты? Хотя, почему же я тогда ничего не помню? Нет, конечно, во всех этих фантастических фильмах пришельцы и спецслужбы умели стирать память. Но всё-таки?.. Ладно, что бы они там успели изменить за один день? Хотя, всего этого вчера здесь не было. Но ведь, в самом деле, – не могло же пройти сорок с лишним лет – я бы был уже старым... Или всё-таки могло?»

На смену трассе пришли пейзажи родного города, но...

...Тот ли это был город? Микай притормозил и осмотрелся.

Да быть того не может. С одной стороны, структура улиц, старинные здания, вроде бы как, были прежними и знакомыми.

Но, с другой стороны, некоторые из них здесь больше не стояли, в то время как другие – разительно изменились. Вокруг возникла масса каких-то модных новостроек. Да и вообще всё было каким-то другим, непривычным и странным. Даже пескоходы вокруг ездили какие-то не те.

– Эй, дедуля! А ну-ка уступи дорогу!

– Эй, ну чего встал!

– И где он только откопал такое старьё? На антикварной выставке – не иначе.

– Любите ретро, да?

Объезжавшие водители осматривали заурядный драндулет с таким же изумлением и недоумением, с каким Микай смотрел вслед их причудливым транспортным средствам.

Это ж надо до такого додуматься – должно быть, новомодные пескоходы самой последней модели. Однако они были везде и повсюду. Что-то явно не так. Сознание отказывалось это понимать, принимать и переваривать.

Резко дав по газам, Микай сорвался с места, едва не создав причину для аварии.

– Эй! Смотри, куда прёшь! – выкрикнула какая-то женщина позади.

Приспустив гермощиток, Микай Аренали высунул наружу и продемонстрировал ей скрученное в неприличном жесте шупальце, после чего – ещё сильнее дал по газам. Оставалось только радоваться, что Микай не врезался сам и что никто не врезался в него. А также тому, что на таком оживлённом перекрёстке, как ни странно, почему-то не оказалось констебля или камер видеонаблюдения.

«Ну, не могло же всё вот так вот просто взять и разительно измениться за один день! И ведь никакой это не розыгрыш, что бы ты там себе ни напридумывал. Бред. Вот ведь

бред. Ахинея какая-то, – вынужденный признавать окружающую реальность как данность, но не в силах обосновать факт её существования взвешенными логическими аргументами, Микай порождал бурю эмоций. – Ну, ладно, хорошо. Хотя нет, на самом деле – ничего хорошего. Допустим, не один день. Но ведь – и не сорок лет! Что вообще тут творится?! Кто-нибудь может мне объяснить?!»

Глубоко вздыхая, Микай оттер выступившую с лица слизистую массу, продолжая следить за дорогой.

«А может быть, я, на самом деле, так и не очнулся? Может быть, это по-прежнему какой-то бред, и я продолжаю видеть и чувствовать то, что является порождением моего сознания? Осознанным сновидением? Что-то подобное ведь бывало раньше. Правда, это очень стабильная иллюзия. Очень продуманная, чёткая», – осматривая мелькавшие пейзажи, размышлял Аренали.

Места такие родные, но – настолько же незнакомые.

«Так! Позвонить! Вот я вообще даю! С этого же сразу необходимо было начинать!» – взяв щупальцем переговорный ретранслятор, ценианец зашёл в панель быстрого запуска на рабочем дисплее и набрал номер Тирры.

– Набранный Вами номер – не существует, – лишённым эмоций тоном возвестило устройство.

– Эй! То есть как это: «не существует»?! Что это значит, «не существует»?! Вы что там вообще все с ума посходили?! – стукнув по приборной панели, завопил Микай.

Его охватывала паника.

– Так, ладно. Соberись. Возьми себя в руки. Вдо-о-о-ох. Вы-ы-ыдох. Вдо-о-о-ох. Вы-ы-ыдох. Всё. Теперь позвоним маме... Или нет, лучше – позвоним отцу... – набрав номер вновь, Микай застыл в тревожном ожидании.

– Набранный Вами номер – не существует, – всё так же, слово в слово, повторил искусственный безучастный тон.

– Ах, чтоб тебя, железяка! Ну как же! Как это «не существует»?! Что ты такое вообще несёшь, фигня электронная?! – сделав очередной глубокий вдох, Микай набрал номер брата, твёрдо решив для себя, что, если и в этот раз услышит тот же противный голос, после этого раздолбает бортовые системы ко всем...

– Привет. Это – Каяял Аренали. В данный момент меня нет дома, либо я крепко сплю, или мне просто лень вам ответить. В любом случае – Вам следует оставить сообщение на автоответчик, а я отвечу, как только смогу, – солидным, но вместе с тем довольно-таки дружелюбным тоном немолодого мужчины отозвался незнакомец.

«Это ведь не его голос... – пребывая в полнейшей прострации от услышанного, сбивчиво рассуждал Микай. – Это ведь не его голос! Я ничего уже не понимаю. Где я? Это мой город? Если это шутка – то она очень странная и злая. И она – совершенно не удалась. Хоть бы это и вправду была шутка!...»

Как бы то ни было, сознание отказывалось признавать упрямые факты, но щупальца поворачивали штурвал и нажимали на педали, поворачивая пескоход по проторённой дороге к родному дому.

Что-то было не так. Вернее, всё – было «не так». Даже старый защитный купол – и тот выглядел несколько иначе.

Даже такие, казалось бы, привычные вещи, как водоочистители, энергогенераторы, йодные реакторы, кобальтовые преобразователи, системы рециркуляции, стационарная радарная установка, устройства поддержания внутренней атмосферы, тепличные растения со светодиодами и гараж во внутреннем дворе – неожиданно вдруг стали какими-то другими. Вроде бы и своё, но в то же самое время – словно бы и какое-то чужое.

Несколько раз Микай с сомнением проезжал мимо предполагаемого отчего дома, оглядывая окрестную территорию. Казалось бы, привычная улица, знакомые повороты, неизменные из века в век характерные признаки – всё говорило о том, что это – то самое место, в котором Микай Аренали провёл свои сознательные годы: детство, отрочество и юность. Вот там – они с младшим братом помогали матери в садах гидропоники, присматривая за аппаратурой, которая добывала доступную для рециркуляции воду из грунта. Благо – это было не очень трудно: всем занималась автоматика, а от детей требовалось лишь задавать основные команды и отслеживать их правильное выполнение, что совсем не требовало наличия каких-либо особых знаний или талантов. Правда – чаще они просто бегали там и бесились.

Младший – очень любил петь в парниках. Вернее, правильнее будет сказать, что он ДУМАЛ, что пел, в то время как добровольно слушать ЭТО – было выше всяких сил. Впрочем, их родители были совсем не против: звукоизоляция в теплице была отменная, а дополнительная вибрация только способствовала скорейшему росту растений. Из этих же самых соображений мать даже музыку там включала, когда уходила.

Да, что ни говори – хорошее было время...

Вот там вот...

Не здесь, чуть правее – за теплицами в гараже (который отец почему-то любил называть «доками для переоснащения») помимо отцовского пескохода ещё располагались велогенераторы для всей семьи, одинаково полезные как в быту, так и для поддержания спортивной формы.

А ещё – там же располагался киберментальный тренажёр для обучения навыкам вождения. Честно говоря, Микай никогда не зарабатывал на нём максимальных баллов, но, тем не менее, в реальной обстановке водил, как ни странно, лучше.

...На этом самом перекрёстке он когда-то впервые поцеловался с Тиррой, когда она попросила подвезти её до дома. На этом же самом месте, чуть позднее, – он сделал ей предложение.

Вот и старая беседка – несколько другая, но, так или иначе, всё ещё узнаваемая: иногда они сидели там вечером всей семьёй, ужинали и – смотрели на звёзды.

В этот самый миг в памяти резко всплыл образ пьяного отца, который однажды, разоткровенничавшись, сидел на этом самом месте и разговаривал не столько с сыном, сколько с самим собою.

– Звёзды, – заплетаясь, произносил он в сотый раз свою излюбленную тираду, удерживая стакан трясущимися пальцами. – Когда-то, когда я был примерно в твоём возрасте, я часто глядел на них и задавался вопросом: а есть ли там жизнь? Ну, пожалуй, все так когда-нибудь думали: не я первый, и не я – последний. Сейчас же – я думаю совершенно по-другому. Я смотрю на них и думаю, что уж лучше бы её там и не было!

Потом – он пропускал тот стакан, который держал, затем – и другой, а следом – начинал по кругу пересказывать свою излюбленную историю о том, как его некогда похитили «бледные розовокожие создания с четырьмя различными конечностями и густой шерстью на голове», после чего проводили на нём всевозможные жуткие опыты.

При этом, что было характерно для папы, тема-то каждый раз оставалась одна, но вот детали со временем, в свете выпитого, могли и меняться.

То он божился и утверждал, что пришельцы прилетели с какой-то там Венеры, то – с Марса, порождённого больным сознанием старого алкоголика, то – вообще с Луны, а то – ещё с какой-нибудь жуткой планеты с таким же невыговариваемым названием.

С одной стороны, большинство из того, что отец нёс в ту пору, – тогда (да и сейчас) казалось невразумительной ахинеей. Но, впрочем, с другой стороны – а как тут теперь ему не будешь верить? Всё-таки, как минимум, можно его понять и извиниться за то, что не проникся сразу...

В общем, всё вокруг навевало воспоминания, но вместе с тем защитные купола и дома соседей были какие-то другие, появилась масса каких-то непонятных построек и вещей, предназначение которых Микай не решился бы угадать.

Весь родной любимый город, как и отчий дом, – каким-то непостижимым образом изменился почти до неузнаваемости. Какие-то старые знакомые черты, безусловно, ещё в нём проглядывали, но, вместе с тем, они совершенно блекли на фоне многочисленных нововведений.

– Приобретайте новый двигатель с лазерным зажиганием и дополнительным топливным баком: акция действует до конца текущего года. Приобретая один, вы получаете сразу два по цене одного! – вещало одно из нескольких информационных табло, глядевших во все четыре стороны под защитным куполом посередине дороги, зомбируя обитателей окрестных домов.

– ...Как правило, употребляя в повседневной речи термин «страх», мы подразумеваем под ним нечто обязательно негативное, вредоносное. Тем не менее, как и в случае с «комплексам», о чём мы говорили в прошлый раз, – это не так. Разделяют такие виды страха как стенический, нормостенический и – астенический, – размеренным тоном, со знанием дела, просвещал другой диктор. – И если один из них – парализует всяческую моторику, второй – снижает качества индивидуума, оставляя за ним возможность действовать, то третий – мобилизует силы, позволяя максимально сосредоточиться на устранении возникшей сложности...

– ...Толпа демонстрантов сегодня забросала личный транспорт господина вице-спикера камнями и палками. Напомним, что это связано с недавно принятым актом, фактически наделившим конгрессменов надзаконным положением. Согласно последним данным, к данной акции причастны активисты Фронта Народной Свободы, опальный лидер которых – Кайлих Шитаари – на днях выложил в сеть видеообъявление, в котором заочно приговаривает к казни всю правящую элиту... – по-деловому бегло зачитала молодая ведущая основного канала новостей.

– ...И сказал Творец: облакая совершенные идеи свои – несовершенной материей, дабы, преодолев себя, – могли вернуться ко мне обновлёнными! – проповедовал блаженный с четвёртого экрана.

– ...Приобретите по договорной цене... Ключ к решению Ваших проблем... Отправив кабинет министров... В адское пекло... Только сейчас... Развивая свои морально-волевые качества... Лидеры оппозиции требуют... Духовного просветления... В подарок! – заглушая друг друга, сливались слова дикторов телевидения.

«Кошмар. Просто – крошечный Ад. Куда я вообще попал? Кто-нибудь может дать мне ответ? Это что, другое измерение? Другой мир? Другая планета? Другая эпоха? Пятый угол? Изнанка материи? А где же тогда мой? Мне здесь не нравится. Кто-нибудь, заберите меня отсюда! Заберите меня домой! К родителям и брату! К Тирре!» – припарковав пескоход напротив дома (или, во всяком случае, постройки, территориально подходившей под памятные критерии), Микай завалился вперёд, обессилено постучав головой по штурвалу. У него начиналась истерика.

Ему казалось, что, если он просто сошёл с ума и всё это – бред и сон, подобный поворот устроит его куда больше загадочных и жутких альтернатив. Но, с другой стороны, он не мог выбирать: ему оставалось лишь только надеяться.

Микай не знал, сколько времени он так просидел, не решаясь совершить какое-либо первое действие, пока бибиканье и миганье одной из сигнальных секций дисплея не возвестило о начале новой надвигающейся песчаной бури.

Но вместе с тем возникло и настойчиво входящее сообщение, исходившее в пределах охватываемого (более чем скромными возможностями бортового радара) диапазона.

Не особенно вникая в то, что в данный момент происходит, Микай решил принять входящий вызов.

– Эй, вы! Да, вы! Я уже прилично так за вами наблюдаю. Всё носитесь по району, круги выписываете. Вы, наверное, заблудились? Кого-нибудь здесь ищите? Может быть, я смогу вам помочь? Я – в доме напротив, вы заезжайте ко мне во двор, необходимо переждать бурю. Синоптики сообщают – вот-вот начнётся! – визуальное изображение не воспроизводилось по причине каких-то помех, но звук шёл относительно стабильно, и голос казался несколько знакомым. – Вы только не подумайте, я ничего вам не навязываю, просто, как я вижу, вы заблудились, а как долго вам придётся там так проторчать – одному Богу известно...

С одной стороны, далеко не каждый отважился бы предлагать подозрительным незнакомцам переждать бурю у себя во дворе.

С другой – сколько бы ни говорили о падении нравов, развращении общества и прочих традиционных напастях, но порядочность и гуманизм – также были неискоренимы, и всегда находился кто-нибудь, помогавший окружающим безо всякой выгоды для себя, даже не ставя себе подобное поведение в заслуги: просто образ жизни.

«Чей же это голос? Вроде бы, слышал где-то... А вроде бы – и нет. Ладно, посмотрим, что там и как», – поразмыслив пару секунд, Микай нажал на одну из кнопок панели, ответив:

– Благодарю вас, буду очень признателен. Да, здесь погода действительно портится. Я, кажется, в самом деле заблудился. Вы не подскажете, где здесь находится дом Аренали?

Всматриваясь в бегущие полосы неровных помех, Микай ожидал услышать хоть какое-либо подтверждение тем или иным самым смелым догадкам. В конце концов, даже если он просто рехнулся, – это и то вносит некоторую ясность. Незнестность – пугает.

Многие, знай они наверняка, что, скажем, точно и неминуемо угодят в Ад, – боялись бы в меньшей степени, чем терзая себя сомнениями о существовании Бога, загробной жизни и собственной праведности.

Некоторое время – молчание собеседника затягивалось, в то время как датчики повсюду начали упреждающе сигнализировать, но, в итоге, мужчина уточнил:

– Дом Аренали? А вы, простите, к кому и зачем?

– По личному вопросу. Я помню, что раньше здесь был их дом. Но – я уже ни в чём не уверен... А вы, простите... – тщетно вглядываясь в помехи на дисплее, поинтересовался в ответ Микай.

– Да, это – дом Аренали. А я – его владелец. И другие Аренали тут не живут... Простите, но вы так и не ответили мне. Мне кажется, я где-то раньше слышал ваш голос... – по экрану прошла очередная рябь, и в этот момент, в перерыве между помехами, собеседники сумели разглядеть друг друга.

Первое мгновение Микаю показалось, что он увидел своего отца, но вскоре, приглядевшись, он осознал, что ошибся. Те же черты, тот же взгляд – но старость потихонечку взяла своё...

– М-микай?! – словно бы увидев привидение, собеседник выронил из щупальца какой-то предмет, который звучно ударился о пол.

– Ка-я-ял?! – не менее ошарашено произнёс Микай.

Братья молчали, не в силах обрести дар речи, а налетевшая буря скрыла улицу из вида...

– Микай, – в который уже раз прикоснувшись к внезапно вернувшемуся брату, произнёс Каял, продолжая наблюдать за ним неверящим взглядом.

Легко, едва ощутимо коснувшись его щупальцем, – он тотчас же отдернул его, словно опасаясь, что Микай рассыплется в прах и разлетится по ветру, подобно песчаной буре.

«Я всё ещё не могу поверить. Как такое могло случиться? Почему со мной? Почему я?!» – держась за голову, Микай ловко поднял со стола небольшую бутылку с новомодной этикеткой и, потрясая оставшейся третью содержимого, сделал глоток. О чём тотчас же пожалел.

– Что это за дрянь? Как ты только можешь такое пить? – отложив бутылку, ценианец обвил щупальцами стул, ткнувшись головой в столешницу.

– «Фейрверк под ураганом». Дорогая штука, к слову, – убирая бутылку от греха подальше, заметил Каяял. Ему по-прежнему не верилось, что перед ним действительно находится не шарлатан, решивший жестоко разыграть старика, не плод его больного воображения, развившийся на почве старческого маразма, а самый настоящий Микай Аренали. Старший брат, бесследно пропавший в канун собственной свадьбы, а ныне явившийся, не состарившись и на день, – несмотря на бившую в нём биологическую молодость, казался мрачным и безжизненным, как высохший куст колючника.

– Значит, меня действительно не было сорок лет? – снова спросил Микай, прекрасно зная ответ, который так и не укладывался у него в голове.

– Да. Теперь здесь многое изменилось, стало по-другому. Иначе, чем ты помнишь... – сострадательно начал Каяял, собираясь задать встречный вопрос, в то время как Микай его перебил.

– И ты теперь, значит, живёшь здесь один. А что с родителями? Ты с ними видишься? Я... – Микай запнулся.

«Чёрт, это так странно – смотреть на младшего брата и понимать, что с виду он годится тебе в отцы. Поначалу я принял тебя за папу», – мысли бегали, путались, и Микай ощущал, что если до сих пор он на самом деле не съехал с катушек, то рано или поздно это произойдёт. И скорее – рано.

– Микай... Сорок лет прошло. В тот день, когда ты неожиданно исчез, – мы все норы тут облазили, сбились тебя искать. Уже как угодно – живым, мёртвым... Видел бы ты, как плакала мать. Тирра тоже не находила покоя, подняла на уши всех своих подруг, знакомых. Но всё было напрасно. Ни следа, ничего – след колёс обрывался посреди дороги, буря ещё не успела их замести, а дальше не было ни тебя, ни пескохода – словно сквозь землю провалились и ты, и он, – неторопливо и осторожно начал Каяял, и было видно, что слова давались ему нелегко. – От всего пережитого... В общем... Матушка начала сдавать на нервах, стареть за неделю, как за год, а потом и вовсе...

Мужчина промолчал, поскольку, вернувшись к далёким событиям тех дней, он разбередил старые раны; и теперь некогда потухшая боль возвращалась с возрастающей силой.

– Отец – начал много пить, – всё-таки отыскав в себе силы продолжить, выдавил из себя Каяял, с усилием подавляя в себе внутренний плач. – Намного больше, чем обычно. Он всё время твердил: «Они забрали его, они забрали его»... Наконец – он просто спился, а я, так сказать, – пошёл по его стопам. Я уже не знал, что думать, ради чего жить и во что верить. Залез в бутылку да и оставался на дне, пока товарищи не вправили, наконец, мозги и не вытащили...

Прервавшись, мужчина поднял полный горя и невыплаканных слёз взгляд на брата, ожидая от него любой реакции после услышанного, но тот, казалось, находился сейчас не здесь, его разум блуждал где-то вдалеке...

Микай был в шоке. Он не воспринимал окружающее, не верил, что сказанное происходило взаправду и имеет какое-либо отношение к нему. Потерянный, он уставился в одну точку невидящим взглядом и слушал молча, не перебивая.

– Женщина – это как вещатель. Бывают хорошие передачи, но чаще – хочется просто выключить. Рано или поздно – в жизни почти каждой женщины возникают два главных вопроса или, во всяком случае, хотя бы один из них: «Зачем я за него выходила?!» и «Почему я за него не вышла?!». Чего же хотят женщины на самом деле – неизвестно даже им самим. Зато – это известно мне. Многие из вас могут думать, что главная мечта любой женщины – это найти хорошего парня, но нет – вы глубоко ошибаетесь. Главная мечта любой женщины – это жрать и не поправляться! Да, что ни говори, но женщины – удивительные существа: одна – даёт тебе жизнь, другая – портит, а третья – отнимает. Впрочем, дорогие мои, не так всё плохо: недавно вот я не поленился и взял несколько уроков по игре в большой теннис. И что бы вы думали? После этого я понял, что содержать любовницу – намного проще и дешевле, – в момент заты-

нувшегося молчания неуместный галдёж популярного ведущего был сопровождён не менее неуместным в такой трагический момент смехом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.